

ИСКУССТВО СРЕДНЕЙ АЗИИ

СБОРНИКЪ СРЕДНЕ-АЗІАТСКОЙ ОРНАМЕНТАЦІИ

ИСПОЛНЕННЫЙ СЪ НАТУРЫ

Н. Е. СИМАКОВЫМЪ.

Удостоенный серебряной медали на Московской Художественно-Промышленной
выставкѣ въ 1882 году.

Издание Императорскаго Общества Поощренія Художествъ.

L'ART DE L'ASIE CENTRALE RECUEIL DE L'ART DECORATIF DE L'ASIE CENTRALE

PAR N. SIMAKOFF.

Ouvrage honoré d'une médaille d'argent à l'exposition nationale de Moscou en 1882.

PUBLICATION DE LA SOCIÉTÉ IMPÉRIALE D'ENCOURAGEMENT
AUX BEAUX ARTS DE ST. PÉTERSBOURG.

С.-Петербургъ.
1883.

Исполненъ въ картографическомъ заведеніи А. Ильина.

Въ 1879 году образовалась ученая экспедиція для изслѣдованія путей Средней Азии. Она состояла изъ инженеровъ путей сообщенія: Соколовскаго и Ляпунова, гидрографа Зубова, профессоровъ: ботаники Сорокина, геологій Мущкетова, зоологій Пельцама, генеральнаго штаба генераль-маіора графа Ростовцева, этнографа Маева, и художниковъ по бытовой живописи Каразина и по исторіи искусства Симакова. Въ маѣ мѣсяцѣ, изъ сборнаго пункта, г. Самары, экспедиція отправилась чрезъ Оренбургъ, Казалинскъ и Туркестанъ въ Ташкентъ — мѣсто главнаго управленія недавно завоеваннаго края и резиденцію генераль-губернатора, уже въ настоящее время представляющую весьма много интереснаго въ отношеніи научномъ и художественномъ.

Въ Ташкентѣ, кромѣ станціи шелковичнаго и хлопковаго производствъ съ специальными музеями и библиотеками, существуетъ музей этнографическій, который отличается полнотой и систематичностью коллекцій, благодаря знанію дѣла его инструктора, полковника Н. Маева. Этотъ музей и послужилъ мнѣ первымъ и главнымъ основаніемъ знакомства какъ съ искусствомъ, такъ и съ этнографіей края.

Осмотрѣвъ городъ и воспользовавшись литературными свѣдѣніями, почерпнутыми въ этомъ музеѣ, я уже могъ безъ колебаній распредѣлить свои дальнѣйшія изслѣдованія, сдѣлавъ при этомъ основной запасъ матеріаловъ. Въ концѣ іюля экспедиція, по прибытіи начальника ея, раздѣлилась и отправилась двумя путями въ Самаркандъ: одна, съ начальникомъ ея, черезъ Ходжентъ, Ура-Тюбе и Джизакъ, другая чрезъ Чиназъ, Сыръ-Дарью, Голодной степью на Джизакъ. Въ Самаркандѣ, какъ бывшей столицѣ Тамерлана, знаменитомъ свѣтильникѣ магометанства, всего болѣе уцѣлѣло памятниковъ зодчества. Площадь Регистанъ съ тремя мечетями Ширъ-Даръ, Уллухъ-Бекъ, Тилля-Кари и площадь Хлѣбная, съ остатками мечетей, построенныхъ супругой Тамерлана, Биби Ханымъ, гдѣ покоится и ея прахъ, затѣмъ кладбище Шахъ-Зинда на развалинахъ древняго города Афрасиаба, Медрессе Ходжи Ахраръ, цитадель, гдѣ находится тронъ бухарскихъ эмировъ (Кокъ Ташъ) и другія древности города представляютъ неистощимый матеріалъ для изученія древняго искусства, когда-то богатаго и торговаго народа. Произведенія Великой Бухары еще за нѣсколько столѣтій до Р. X. привлекали вниманіе какъ ея сосѣдей индусовъ и китайцевъ, такъ и народовъ классической древности. Обиліе матеріаловъ въ г. Самаркандѣ и удобства жизни, любезно предоставленныя мнѣ начальникомъ Зарявшанскаго округа, генераль-лейтенантомъ Ивановымъ, заставили меня отстать отъ дальнѣйшаго слѣдованія съ экспедиціей, которая въ началѣ августа снова раздѣлилась, и двумя направленіями отправилась въ предѣлы Бухары, къ верховьямъ Сурхана, притока Аму-Дарьи.

Изъ Самарканда, по волѣ начальника экспедиціи, я сдѣлалъ поѣздку черезъ Каратюбинскій переваль, Кайнаръ и Китабъ, въ Шаръ (лѣтняя резиденція Бухарскаго Эмира), гдѣ осмотрѣлъ остатки замка Тамерлана, Акъ Сарай, бани Тамерлана, мечети Хазретъ Имамъ (1490 г.), могилы отца Тамерлана Амира Тарагай Багадура, — возвратился обратно въ Самаркандъ черезъ Чиракчи, Джамскій переваль, Абра-Имата, Ангаръ и развалины древняго города Абдуль-Аганъ. Проработавъ еще до половины сентября того же года въ

En 1879 une expédition scientifique fut organisée pour étudier les voies de communication dans l'Asie Centrale. Elle se composait de deux ingénieurs des voies de communication: M. M. Sokolofsky et Liapounoff; d'un hydrographe, M. Zouboff, des professeurs de botanique, M. Sorokine, de géologie, M. Mouchketoff, de zoologie, M. Peltsam, du général d'état-major comte Rostovtzeff, d'un ethnographe, M. Maïeff, et de deux peintres, pour les tableaux de mœurs, M. Karazine, et pour l'histoire de l'art, M. Simakoff.

On partit au mois de mai de Samara, qui était le point de réunion, et par Orenbourg, Kazalinsk et Turkestan, on se rendit à Tachkent, résidence du général-gouverneur, centre de l'administration supérieure, qui offrait nombre de choses intéressantes sous le rapport de l'art et de la science.

Tachkent n'est pas seulement une station pour la production de la soie et du coton, avec musées et bibliothèques appropriés; il y a aussi dans cette ville un musée ethnographique qui se distingue par la richesse et la savante classification des collections, grâce à la science de l'organisateur, le colonel N. Maïeff. C'est ce musée qui m'a servi de point de départ pour l'étude du pays, tant sous le rapport de l'art que sous celui de l'ethnographie.

Après avoir parcouru la ville et étudié les matériaux contenus au musée, je me trouvai assez riche de cette provision de renseignements pour déterminer sans hésitation les recherches que j'avais à faire. A la fin de juillet, l'expédition se divisa, à l'arrivée de son chef, et se dirigea par deux voies sur Samarkande et Djizak; l'une avec le chef, par Khodjent, Oura-Tubé; l'autre par Tchinzaz, le Syr-Daria, et la steppe de la Famine. En sa qualité d'ancienne capitale de Tamerlan et de phare de l'islamisme, c'est Samarkande qui a conservé intacts le plus grand nombre de monuments d'architecture. La place Reghistan avec les trois mosquées de Chir-Dar, d'Oulloukh-Bek, de Tillia-Kara, la place au Blé, avec les restes des mosquées construites par l'épouse de Tamerlan, Bibi-Khanym, et où repose aussi sa cendre, ensuite le cimetière de Chakh-Zinda sur les ruines de l'ancienne ville d'Afrassiab, le médressé de Khodji-Akhrar; la citadelle, où se trouve le trône des émirs boukhares (Kok-Tache) et d'autres antiquités, fournissent une quantité inépuisable de matériaux pour l'étude de l'art antique d'une population autrefois riche et commerçante. Plusieurs siècles avant J. C., les produits de la Grande Boukharie attiraient déjà l'attention, non seulement de ses voisins les indous et les chinois, mais encore celle des peuples de l'antiquité classique. L'abondance des objets d'études que je trouvais à Samarkande et l'hospitalité que m'offrait gracieusement le chef de l'arrondissement de Zariavchan, le général-lieutenant Ivanoff, me décidèrent à rester en arrière de l'expédition, qui, au commencement d'août, se divisa encore et se rendit, par deux directions, aux frontières de la Boukharie vers les sources du Sourkhan, affluent de l'Amou-Daria.

De Samarkande je fis, avec l'assentiment du chef de l'expédition, une excursion par le passage de Karatubine, Kaïnar et Kitab, à Char, résidence d'été de l'émir de Boukharie, où j'étudiai les restes du château de Tamerlan, Ak-Sarai, des bains de Tamerlan, de la mosquée de Khazret-Imam (1490), la tombe du père de Tamerlan, Amir-Taragai-Bagadour; puis je revins à Samarkande par Tchiraktchi, le passage de Djam, Abra-Imata, Angar et les ruines de l'ancienne ville d'Abdoul-Agan. Je tra-

Самаркандъ, я черезъ Ташкентъ, Туркестанъ и Казалинскъ возвратился въ Самару и затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ и приступилъ къ разработкѣ издаваемого теперь мною матеріала.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію издаваемыхъ мною орнаментовъ Средней Азіи, необходимо сдѣлать, я полагаю, хотя краткій обзоръ судебъ главнаго племени, населяющаго Бухару. Племя это считаетъ себя аборигенами страны и называетъ себя сартами или таджиками. Оно и теперь составляетъ, если не всю преобладающую, то существенную часть въ земляхъ: Кабуль, Кундузъ, Бадахшанъ, Самаркандъ, Ферганъ, Кашгаръ, Хотанъ и Турфанъ. Словомъ, сарты составляютъ основу осѣдлыхъ народовъ Средней Азіи. По обширности распространенія сартовъ, по единообразному физическому типу и національному характеру ихъ, повсюду, гдѣ они встрѣчаются, въ нихъ слѣдуетъ, какъ кажется, признать прямыхъ потомковъ древнихъ согдовъ, о которыхъ упоминается въ Зенд-Авестѣ; страна ихъ по китайскимъ источникамъ была колыбелью ученія Зороастра. Центромъ этой страны (Согдіаны) всегда считался Самаркандъ, древній Маракандъ (построенный на развалинахъ г. Афрасіаба). Еще за 800 л. до Р. Х. греки знали Согдіану, какъ страну культурную, знаменитую по своему шелковому производству и тканямъ, которыми она вела торговлю со всеми народами отъ Великаго океана до береговъ Средиземнаго моря. Ея богатства постоянно возбуждали алчность, какъ классическихъ, такъ и азіатскихъ кочующихъ народовъ. Въ IV в. до Р. Х. Александръ Македонскій идетъ и покоряетъ ее, и образуетъ Греко-Бактрійское царство. Послѣ ослабленія власти греко-македонской во II в. до Р. Х. эта страна подпадаетъ подъ владычество Китая вся до береговъ Каспія. Къ этому времени относятся чрезвычайно любопытныя подробности объ этихъ странахъ у китайскихъ писателей. Такъ напримѣръ Чанъ Кіень (чиновникъ, посланный китайскимъ императоромъ) въ срединѣ II столѣтія до Р. Х. пишетъ про Согду: „Тамъ разводятъ хлѣбъ и рисъ, приготавливаютъ вино изъ винограда (вино не было еще извѣстно въ Китаѣ), выращиваютъ превосходныхъ лошадей; жители Тазіи (таджики) народъ осѣдлый, живетъ въ городахъ, нравы ихъ сходны съ нравами Тавана; но солдаты ихъ слабы и робки. Тазіаты превосходные торговцы и въ ихъ главныхъ городахъ бываютъ богатые базары“. Въ VI в. по Р. Х. кочевники тюркскихъ племенъ вытѣсняютъ китайцевъ и съ этого времени появляется имя Бухары, какъ главнаго центра Средне-Азіатскаго міра. Въ VII в. китайцы вновь оттѣсняютъ тюркское племя, затѣмъ арабы появляются въ Персіи и стремятся въ Бухару. Но тюркскія племена вновь, оттѣсняютъ арабовъ и китайцевъ, и овладѣваютъ страной. Въ это время возникаютъ, по нижнему теченію Сыра и Аму и продолженію ихъ Узбою, города (отъ этихъ городовъ, когда то славныхъ, не осталось и слѣда). За тѣмъ послѣ монгольскаго разгрома при Чингисъ Ханѣ въ XIII вѣкѣ и новомъ возвышеніи тюркскаго владычества, достигшаго высшей силы и блеска при Тимерланѣ (начало XV в.), послѣ паденія его династіи вся область странъ, лежащихъ по Аму и Сыръ-Дарьѣ, распалась на 27 отдѣльныхъ княжествъ, которыя находились подъ властью болѣе или менѣе тюркскихъ хановъ. Эти владѣнія существуютъ и по нынѣ; но многія изъ нихъ уже утратили свою самостоятельность и подпали подъ владычество Россіи.

Такая бурная историческая жизнь несомнѣнно не могла пройти безслѣдно для населенія древней Согдіаны, и дѣйствительно мы встрѣчаемъ здѣсь много тюркскихъ и монгольскихъ осадковъ, которые сохраняютъ по нынѣ свои племенные названія, какъ напримѣръ узбеки, киргизы, кара-киргизы и т. п. и физическій типъ, совершенно не сходный съ типомъ сарта. Въ послѣдней нелзя не признать потомка арійской расы, той же расы, къ которой принадлежатъ индусы, персы и большая часть обитателей Европы; въ первыхъ же очевидна тюркская кровь. Но если бы физическія особенности обоихъ племенъ, населяющихъ Среднюю Азію, или вѣрнѣе обоихъ слоевъ ея населенія, и не были столь очевидны, то въ самомъ бытѣ тѣхъ и другихъ мы нашли бы вѣрныя указанія на то, что смѣшенія между ними произошло лишь въ самой незначительной степени; туранецъ, узбекъ или киргизъ, мало склоненъ къ осѣлости, къ мирнымъ промысламъ, а всегда готовъ на грабежъ и набѣги, тогда какъ сартъ отличается совершеннымъ отсутствіемъ воинственности, чрезвычайнымъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ и всецѣло поглощенъ

ваилаи encore jusqu'à la mi-septembre de la même année à Samarkande, puis je revins, par Tachkent, Turkestan, Kazalinsk, à Samara et de là à Pétersbourg, où je m'occupai à mettre en ordre les matériaux que je soumetts maintenant au public.

Avant de procéder à la description des ornements de l'Asie Centrale, je crois indispensable de jeter un coup d'oeil rapide sur l'histoire de la principale tribu qui habite la Boukharie. Cette population se considère comme aborigène; elle se donne le nom de sarte ou tadjik, et forme encore maintenant une partie, si non partout dominante, au moins essentielle de la population, dans les territoires de Kaboul, de Koundouze, de Badakhman, de Samarkande, de Fergan, de Kachgar, de Khotan et de Tourfan. En un mot les sartes composent le fond de la population sédentaire de l'Asie Centrale. Par l'étendue que leur race occupe, par l'uniformité de leur type et de leur caractère national partout où ils se rencontrent, il nous faut, selon toute apparence, reconnaître dans les sartes les descendants directs de ces anciens sogdiens dont nous parle le Zend-Avesta. Leur pays, d'après les sources chinoises, aurait été le berceau de l'enseignement de Zoroastre. Samarkande, autrefois Maracande (bâtie sur les ruines d'Afrassiab), fut toujours considérée comme le centre de la Sogdiane. Dès l'an 800 avant J. C. les grecs connaissaient la Sogdiane comme un pays civilisé, célèbre par la production de la soie et des tissus, dont il faisait commerce avec tous les pays situés entre le Grand Océan et les rivages de la Méditerranée. Ses richesses tentaient constamment l'avidité des peuples classiques aussi bien que des nomades. Au quatrième siècle avant J. C., Alexandre de Macédoine va soumettre la Boukharie et en forme l'Etat Greco-Bactrien; après l'affaiblissement de la puissance gréco-macédonienne, au second siècle avant J. C., tout le pays jusqu'au bord de la mer Caspienne tombe sous la domination de la Chine. A cette époque se rapportent des renseignements extrêmement curieux fournis par les écrivains chinois. Voici, par exemple, ce que Tchan-Kien, envoyé par l'empereur de la Chine, écrit au sujet de Sogda:

„Là on cultive le blé et le riz, on tire du vin du raisin (le vin était encore inconnu à la Chine), on élève d'excellents chevaux; les habitants de Tazia (les tadjiks) sont un peuple sédentaire; ils vivent dans des villes, leurs moeurs ressemblent à celles de Tavan, mais leurs soldats sont faibles et timides. Les taziates sont d'excellents commerçants et il y a de riches bazars dans leurs principales villes“. Au sixième siècle après J. C., des peuplades turques nomades envahissent la Boukharie et chassent les chinois. Au septième, les chinois chassent à leur tour la race turque. Puis les arabes paraissent en Perse et s'élancent sur la Boukharie. Plus tard les tribus turques chassent à la fois les arabes et les chinois et soumettent le pays. A cette époque on voit s'élever sur le cours inférieur du Syr et de l'Amou et sur leur prolongement, l'Ouzba, des villes jadis florissantes, mais dont il ne reste pas même une trace. Après la dévastation de Tchinghis-Khan et de ses mongols au XIII-e siècle, la domination turque, qui lui succéda, atteignit son plus haut degré de puissance et d'éclat sous Tamerlan, au commencement du XV-e siècle, puis elle tomba avec sa dynastie, et tout le pays qui s'étend le long de l'Amou et du Syr-Daria, s'émietta en 27 principautés distinctes, plus ou moins sous la domination des khans tures. Ces principautés subsistent toujours, mais beaucoup d'entre elles sont tombées sous la domination de la Russie.

Des événements historiques aussi orageux n'ont pu passer sans laisser leurs traces parmi la population de l'antique Sogdiane. Nous y rencontrons en effet un grand nombre de mongols et de tures qui s'y sont fixés et qui conservent jusqu'à présent leurs appellations nationales: les ouzbeks, par exemple, les kirghizes, les kara-kirghizes, etc., dont le type physique est tout à fait différent de celui des sartes. Dans ceux-ci il est impossible de méconnaître une postérité aryenne; leur race est celle à laquelle appartiennent les indous, les perses et la plus grande partie des habitants de l'Europe. Dans les autres on reconnaît non moins visiblement le sang ture. Mais lors même que les particularités physiques des deux peuples, ou plus exactement des deux couches de population, qui habitent l'Asie Centrale, ne seraient pas aussi caractérisées, la manière de vivre des uns et des autres nous fournirait la preuve évidente que le mélange ne s'est opéré entre elles qu'à un degré presque insensible. Le touranien, l'ouzbek; le kirghise ont peu de goût pour la vie sédentaire; ils sont toujours prêts à piller et à faire des incur-

своими земледѣльческими, ремесленными и торговыми заботами. И теперь черезъ 20 вѣковъ послѣ Чанъ-Кіена, отзывъ котораго мы привели выше, всякій путешественникъ узнаетъ въ его Тазіи теперешнихъ сартовъ или таджиковъ. При такихъ условіяхъ можетъ ли оставаться сомнѣніе въ томъ, кому принадлежать произведенія искусства, рисунки которыхъ собраны мною и предлагаются на судъ публики? Можно ли допустить предположеніе, чтобы пришлыя полудикія племени, подчинявшія себѣ по очереди осѣдлое населеніе страны, оказали сколько нибудь глубокое вліяніе на его искусство, измѣнили формы его творчества?

Занимаясь изслѣдованіемъ орнамента русскаго по народностямъ, я невольно пришелъ къ заключенію, что народный орнаментъ столь же устойчивъ, какъ и языкъ. Финскія племена живутъ между русскими сотни лѣтъ и все-таки никогда не заимствуютъ ничего отъ нихъ; орнаментъ какъ племенъ идолопоклонниковъ, такъ и принявшихъ христіанство, сотни лѣтъ остается тотъ же. Въ этой устойчивости народного творчества черпаемъ мы убѣжденіе, что кромѣ немногихъ орнаментовъ, происхожденіе которыхъ отъ кочевыхъ племенъ и изъ Китая не требуетъ доказательства, вся масса сообщаемого нами матеріала принадлежитъ сартамъ, т. е. аборигенамъ страны, людямъ одной съ нами аріейской расы и потому при всей оригинальности, такъ часто представляющей намъ формы знакомыя, родственныя...

Закончу пожеланіемъ, чтобы трудъ мой остался безслѣднымъ для будущихъ изслѣдователей орнамента. Эта отрасль искусства, кромѣ ея значенія для промышленности и разныхъ техническихъ примѣненій, можетъ получить важное значеніе при разработкѣ этнографическихъ вопросовъ. Но для этого необходимо научное отношеніе къ дѣлу, точное изученіе формъ орнамента въ связи съ другими историческими, лингвистическими и антропологическими данными, и строгій сравнительный методъ для опредѣленія, какъ въ наукѣ о языкѣ, — что принадлежитъ данному народу и что позаимствовано имъ, занесено къ нему извнѣ. Интересъ, который возбудилъ орнаментъ въ послѣднее время, подаетъ намъ надежду на скорое возникновеніе этой новой науки и дальнѣйшее развитіе.

Н. Симаковъ.

sions, tandis que le sarte se distingue par sa complète absence d'instincts belliqueux, par son extrême amour du travail et sa patience, par son goût pour les opérations agricoles et les soins du commerce. Vingt siècles se sont écoulés depuis Tchan-Kien, dont nous venons de citer le rapport, et il n'est pas de voyageur qui ne reconnaisse dans son Tazia, le tadjik ou sarte d'aujourd'hui. Dans ces conditions est-il permis de mettre en doute à qui appartiennent les objets d'art et les dessins que je réunis ici et que je sou mets au jugement du public? Peut-on admettre que les masses armées à demi-sauvages qui se sont soumis tour à tour la population sédentaire du pays, ont pu exercer une influence quelque peu profonde sur son art et changé la forme de ses créations?

En étudiant l'ornement russe par nationalités, je suis involontairement arrivé à conclure que le caractère de l'ornement est aussi invariable que le langage. Les finnois vivent au milieu des russes depuis des centaines d'années, et leur système d'ornement, tant de ceux qui sont restés idolâtres que de ceux qui ont adopté le christianisme, reste le même depuis des centaines d'années. Cette constance de formes dans les créations populaires nous prouve évidemment que, à part un petit nombre d'ornements qui proviennent incontestablement des tribus nomades ou de la Chine, toute la masse des matériaux que nous publions appartient aux sartes, c'est-à-dire à des aborigènes du pays, à un peuple de race aryenne comme nous, et c'est pour cela que, dans leur originalité, ils nous présentent si souvent des formes connues et familiales.

Je termine en exprimant l'espoir que mon travail ne restera pas stérile pour ceux qui étudieront l'ornement à l'avenir. Cette branche de l'art, en dehors de son importance pour l'industrie et les applications techniques, peut acquérir une haute valeur pour l'étude des questions ethnographiques. Mais pour cela il sera indispensable d'établir la relation scientifique qui existe entre l'ornement et ces questions, et d'étudier avec précision les formes de l'ornement dans leurs rapports avec les données historiques, linguistiques et anthropologiques, et de fixer une sévère méthode de comparaison, afin de déterminer, par le moyen de la science et du langage, ce qui appartient au peuple que l'on étudie, ce qui a été emprunté par lui et ce qui lui a été apporté du dehors. L'intérêt que l'étude de l'ornement a éveillée dans ces derniers temps nous permet d'espérer le prompt développement de cette nouvelle branche de connaissances et les progrès ultérieurs auxquels elle est appelée.

N. Simakoff.

ОБЪЯСНЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

Листъ 1.

Крышка деревяннаго сундука, покрытая золочеными плоско-рельефными узорами по разноцвѣтному фону, самаркандской работы. Переплетающіеся круги широкой полосы бордюра содержатъ древне-индійскій крестъ „Свастику“, означающій доброе пожеланіе или предохраненіе отъ несчастья. Знакъ этотъ встрѣчается въ Бухарѣ на могильныхъ памятникахъ, на болѣе почетныхъ мѣстахъ мечетей и на украшеніяхъ вещей домашняго обихода.

Листы 2 и 3.

Преобладающіе узоры на шелковыхъ тканяхъ и бархатахъ изъ Великой Бухары.

Листъ 4.

Типы узоровъ на узкихъ коврахъ, составляющихъ фризы войлочныхъ палатокъ кочевыхъ туркменъ. Въ большинствѣ случаевъ каждый типъ узора составляетъ принадлежность рода или семьи, которая вырабатываетъ и совершенствуетъ свой узоръ, не отступая отъ основнаго характера. Эти узоры—почти „гербы“, и начало ихъ теряется въ глубокой древности.

Листъ 5.

Преобладающіе типы узоровъ на туркменскихъ коврахъ, отличающихся тонкостью и плотностью ткани, прочностью красокъ и спокойнымъ и гармоничнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ. Узоръ составленъ изъ прямолинейныхъ фантастическихъ фигуръ, не напоминающихъ ни птицъ, ни цвѣтовъ, ни животныхъ; такія подобія птицъ, какія видны въ фонѣ восьмиугольниковъ на коврѣ подъ буквою „а“, встрѣчаются лишь въ видѣ исключеній. Въ узорахъ этихъ соблюдается тоже, что сказано и объ узорахъ узкихъ ковровъ, т. е. то, что каждая семья туркмена разрабатываетъ свой особый узоръ и ни за что не возьмется исполнять чужой.

Листъ 6.

Узоръ ковра подъ буквою „а“ принадлежитъ туркменскому же роду. Подъ буквою „б“ собраны мотивы туркменскихъ узоровъ, встрѣчающихся на подпругахъ, тесьмахъ и проч. Подъ буквой „в“ бухарскій коверъ, который отличается яркостью цвѣтовъ и значительною примѣсью узоровъ, напоминающихъ скорпіоновъ, тарантуловъ, этихъ постоянныхъ спутниковъ народныхъ преданій: нѣтъ сказки, въ которой бы не игралъ роль тарантуль-каракуртъ, считающійся особенно ядовитымъ.

Листъ 7.

- а) Коверъ бухарской работы, на которомъ мусульмане совершаютъ свои молитвы.
б) и в) Типы обыкновенныхъ бухарскихъ ковровъ.

EXPLICATION DES PLANCHES.

Feuille 1.

Couvercle d'un coffre de bois avec dessins en bas-reliefs dorés sur fond de diverses couleurs. Travail de Samarkande. Les cercles entrelacés de la large bande de la bordure renferment une „svastica“ ou croix ancrée de l'Inde ancienne, signifiant un souhait heureux ou un préservatif contre le malheur. Ce signe se rencontre à Boukhara sur les monuments funéraires, dans les places d'honneur des mosquées et dans l'ornement des objets de ménage.

Feuilles 2 et 3.

Dessins employés le plus souvent dans les tissus de soie et de velours de la Grande Boukharie.

Feuille 4.

Types des dessins sur les tapis étroits qui composent la frise des tentes en feutre des Tourkmènes nomades. Dans la plupart des cas chaque type de dessin est la propriété d'une tribu ou d'une famille, qui varie et perfectionne ce dessin, mais sans s'écarter du caractère original. Ces dessins sont presque des armes héraldiques et leur origine se perd dans la profonde antiquité.

Feuille 5.

Types des dessins les plus fréquents dans les tapis des Tourkmènes. Ils se distinguent par la finesse et le caractère serré du tissu, la solidité des couleurs, et l'harmonie reposante des nuances. Ces dessins sont composés de figures fantastiques, formées de lignes droites, qui ne rappellent ni des fleurs, ni des oiseaux, ni d'autres animaux. Les figures rappelant des oiseaux que l'on voit sur un fond d'octogones, dans le tapis „а“ ne se rencontrent qu'à l'état d'exception. Il en est de ces dessins comme de ceux sur tapis étroits ci-dessus mentionnés; chaque famille tourkmène a son dessin propre, qu'elle travaille et varie, mais à aucun prix elle ne voudrait en exécuter un autre.

Feuille 6.

Le dessin de tapis sous la lettre „а“ appartient aussi à la race tourkmène. Sous la lettre „б“ on a réuni les motifs des dessins tourkmènes qui figurent sur les sangles de chevaux, sur les rubans, etc. On voit sous la lettre „в“ un tapis boukhare qui se distingue par l'éclat des couleurs et par un remarquable mélange de dessins rappelant des scorpions, des tarentules, les constants compagnons de voyages des traditions populaires. Pas de conte où l'on ne voie jouer un rôle à la tarentule karakourte, qui est considérée comme particulièrement venimeuse.

Feuille 7.

- а) Tapis de travail boukhare sur lequel les musulmans font leurs prières.
б, в) Types des tapis boukhares ordinaires.

Листъ 8.

- а) Кайма халата, шитая цвѣтнымъ шелкомъ въ тамбуръ по черному сукну.
- в) Кайма халата, шитая цвѣтнымъ шелкомъ по бѣлому атласу.
- б) Замшевая крага рукавицы для соколиной охоты, вышита въ тамбуръ и гладью шелкомъ и золотой ниткой. Всѣ эти вещи мѣстной сартской работы.

Листъ 9.

Чайникъ (кумганъ) чеканной работы изъ луженой мѣди, покрытой орнаментомъ, програвированнымъ по красной мѣди; ручка, носикъ и крышка изъ желтой мѣди. Старинная коканская работа.

Листъ 10.

- а) Пряжка изъ мѣди съ рельефнымъ орнаментомъ и гранеными камнями по срединѣ; края покрыты перегородчатой бирюзовой эмалью.
 - б) Тарелка изъ серебра, бортъ украшенъ чернью и синей эмалью; дно перегородчатое съ бирюзовымъ эмалевымъ фономъ.
 - в) Дверная желѣзная ковкая ручка или молотокъ, изъ мечети Хазретъ въ Туркестанѣ.
 - г) Подвѣска уздечки изъ серебра, съ вставками изъ бирюзы и цвѣтныхъ камней.
 - д) Серьги женскія изъ серебра, со вставками изъ бирюзы и съ коралловыми подвѣсками.
 - ж) Ножъ дамаскированный съ золотой насѣчкой по клинку; ручка слоновой кости, соединена съ клинкомъ золотой гайкой, переходящей въ насѣчку.
 - з) Ножны сабли съ серебрянымъ орнаментомъ и бирюзовыми вставками.
- Всѣ эти вещи ташкентской сартской работы.

Листъ 11.

- а) Женское головное украшеніе изъ позолоченаго серебра со сканью и бирюзовыми вставками, которое повязывается на лобъ, такъ чтобы мелкія подвѣски приходились надъ бровями. Верхній крючекъ задѣвается за платокъ, покрывающій голову.
 - б) Застежка къ женской рубашкѣ, украшенная синей эмалью, бирюзовыми вставками и кораллами.
 - в) Украшеніе на голову и на шею изъ квадратныхъ бляшекъ съ бирюзой; бляшки соединены между собой шарнирами; подвѣски въ видѣ цвѣтковъ и листьевъ.
 - г) Цилиндрическая коробочка для храненія молитвы изъ корана, украшенная орнаментомъ изъ черни; концы въ видѣ луковъ.
 - д) Шпильки изъ золоченаго серебра съ вставнымъ перомъ изъ хвоста селезня; затыкается въ волосы около висковъ съ обѣихъ сторонъ лица.
 - ж) Серьги изъ серебра съ подвѣсками въ видѣ кистей. Головка подвѣски имѣетъ видъ полушара, покрытаго синей эмалью съ золотыми звѣздами; отъ головки спускается бахрома изъ жемчужныхъ цѣпочекъ.
 - з) Коробочка изъ покрытаго чернью серебра, трехъугольной формы, для храненія молитвы; обѣ коробочки (г, з) носятъ на шеѣ или на груди.
- Всѣ вещи ташкентской сартской работы.

Листъ 12.

Тисненые кирпичи изъ обожженной глины; крайнія фигуры въ верхнемъ ряду—гуськи крышъ. Всѣ эти кирпичи взяты изъ развалинъ старыхъ построекъ въ Кульджѣ. Собственность ташкентскаго музея.

Листъ 13.

Часть двери, рѣзной съ инкрустаціей изъ слоновой кости, изъ мечети Хазретъ въ Туркестанѣ, современной Тамерлану. Въ этой мечети главный мулла указывалъ намъ на одну дверь, ведущую въ отдѣленіе мечети, гдѣ гробница святаго Хазрета, какъ на „русское издѣліе“. Тамерлана, отправлявшагося въ походъ на Россію, благословилъ Хазретъ и предсказалъ ему успѣхъ, причемъ пророчилъ, что онъ покоритъ Россію, но Москвы не возь-

Feuille 8.

- а) Bordure d'un khalate ou robe de chambre, brodée au tambour en soie de couleur sur drap noir.
 - в) Bordure d'un khalate, cousu en soie de couleur sur satin blanc.
 - б) Peau chamoisée d'une mitaine pour la chasse au faucon, brodée au tambour à points plats en soie et en fil d'or.
- Tous ces objets sont de travail sarte du pays.

Feuille 9.

Théière (koumgan) de travail repoussé en cuivre étamé, couverte d'un ornement gravé sur le cuivre rouge; le manche, le bec et le couvercle en cuivre jaune. Ancien travail de Kokan.

Feuille 10.

- а) Boucle de cuivre avec ornement en relief et pierres à facettes au milieu, les bords couverts d'un émail couleur turquoise cloisonné.
 - б) Assiette d'argent, le bord orné de nielle et d'émail bleu-foncé, le milieu cloisonné avec fond d'émail couleur turquoise.
 - в) Poignée ou marteau de porte en fer forgé de la mosquée de Khazrète à Turkestan.
 - г) Pendeloque de bridon en argent avec émail de turquoises et de pierres de couleur enchassées.
 - д) Boucles d'oreilles de femme en argent avec turquoises enchassées et pendeloques de corail.
 - ж) Couteau damasquiné avec damasquinure en or sur la lame; poignée d'ivoire réunie à la lame par un écrou d'or traversant la damasquinure.
 - з) Gaines de sabre avec ornement d'argent ciselé et turquoises enchassées.
- Tous ces objets en travail sarte de Tachkent.

Feuille 11.

- а) Ornement de tête pour femme, en argent doré avec filigrane et turquoises enchassées, s'attachant sur le front de manière que les petites pendeloques arrivent au dessus des sourcils. Le crochet d'en haut s'agrafe au mouchoir qui couvre la tête.
 - б) Agrafe pour une chemise de femme, ornée d'émail bleu-foncé, de turquoises et de coraux enchassés.
 - в) Ornement de tête et de cou, formé de petites plaques carrées avec turquoises; les plaques sont réunies entre elles par des charnières; les pendeloques ont la forme de fleurs et de feuilles.
 - г) Boîte cylindrique pour la conservation des prières tirées du Coran, avec un ornement niellé; les extrémités ont la forme de bulbes.
 - д) Épingles à cheveux en argent doré avec une plume de queue de canard enchassée. On les enfonce dans les cheveux près des tempes des deux côtés du visage.
 - ж) Boucles d'oreilles en argent avec pendeloques en forme de pinceaux. La petite tête des pendeloques a la forme d'une demi-boule couverte d'émail bleu-foncé, avec des étoiles d'or; de la petite tête descend une frange de petites chaînes de perles fines.
 - з) Petite boîte d'argent niellé de forme triangulaire, pour la conservation des prières. Ces deux petites boîtes (г, з) se portent au cou ou sur la poitrine.
- Tous ces objets sont en travail sarte de Tachkent.

Feuille 12.

Briques imprimées en argile cuite. Les dernières figures du rang supérieur sont des sortes d'antéfixes servant à couronner les toits. Toutes ces briques ont été tirées d'anciennes constructions à Kouldja. Elles appartiennent au musée de Tachkent.

Feuille 13.

Partie d'une porte sculptée avec incrustations d'ivoire, de la mosquée de Khazrète à Turkestan, contemporaine de Tamerlan. Le mullah en chef de cette mosquée nous désigna comme „travail russe“ une porte conduisant à la partie de la mosquée où se trouve la tombe du saint musulman Khazrète.

Khazrète bénit Tamerlan partant pour une expédition contre la Russie, et lui prédit le succès; il lui annonça qu'il soumet-

мечеть. Возвратившись из похода, Тамерлан не застал Хазрета в живых и воздвигнул в честь его эту мечеть, кирпичи для которой дѣлались в г. Сауранѣ. Говорятъ, отъ этого города до Туркестана разставлена была цѣпь солдатъ въ 50.000 человекъ, для передачи кирпичей изъ рукъ въ руки, такимъ образомъ въ три дня кирпичи были переданы на мѣсто постройки. Дверь эта замѣчательна по тонкости и изяществу работы, украшена инкрустацией изъ разныхъ деревьевъ, съ разными орнаментированными филёнками и арабскими надписями.

Листъ 14.

Часть двери изъ мечети Шахъ-Зинда въ Самаркандѣ, постройка которой относится къ концу XV столѣтія.

Листъ 15.

Орнаментъ, исполненный плоскимъ рельефомъ, снятый съ шка-тулочныхъ крышекъ. Ташкентская работа

Листъ 16.

Плоскорельефные орнаменты изъ гипса, въ мечети города Ходжента.

Листъ 17.

Орнаментъ на бокахъ камня „Кокъ-Ташъ“, служившаго трономъ бухарскимъ эмирамъ: онъ находится въ главномъ дворцѣ самаркандской цитадели. По преданіямъ, это древнѣйшій предметъ въ странѣ. Высота камня 2 арш., длина около четырехъ арш.; онъ обнесёнъ желѣзной рѣшеткой.

Листъ 18.

а) Плоскорельефные орнаменты по борту надмогильной плиты Тамерлана (Тимуръ-Ленга), находящейся въ склепѣ мечети Гуръ-Эмиръ въ Самаркандѣ.

б) Орнаментъ на стойкѣ мраморной рѣшотки, окружающей верхніе памятники *) Тамерлана и его родныхъ въ той же мечети.

в) Мраморныя плиты съ орнаментомъ, найденные въ развалинахъ мечетей и мавзолеевъ кладбища Шахъ-Зинда въ Самаркандѣ.

Листы 19—32.

Здѣсь представлены мотивы орнаментовъ декоративной живописи, встрѣчаемой всюду въ украшеніяхъ общественныхъ и частныхъ бухарскихъ построекъ: на потолкахъ, колоннахъ, стѣнахъ, сундукахъ, зеркалахъ и другихъ предметахъ домашняго обихода. На нашихъ листахъ 19—32 помѣщены только тѣ орнаменты, которые болѣе другихъ оригинальны по рисунку и краскамъ. Бухара такъ богата орнаментомъ, что въ долгіе годы, посвященные на собраніе, не исчерпать всѣхъ разнообразныхъ мотивовъ этого неиссякаемаго родника. Любой ясай (мастеръ) удивитъ васъ умѣньемъ изъ одного и того же рисунка создать десятки новыхъ узоровъ, только съ помощью одного раскрашиванія. Каждый, какъ истинный художникъ, носить въ себѣ чувство мѣры, вкуса и колорита, — можетъ быть потому, что къ занятію его привела не выгода профессіи, а любовь. На работѣ онъ не знаетъ отдыха и изумляетъ васъ своимъ простымъ и практичнымъ приѣмомъ при выполненіи самыхъ сложныхъ геометрическихъ фантазій. Въ этомъ мудренаго ничего нѣтъ: темпераментъ его почти итальянскій и онъ обладаетъ опытомъ цѣлыхъ тысячелѣтій.

Листы 33 и 34.

Части облицовки наружной стѣны въ одномъ изъ мавзолеевъ „Куссамъ-Ибни-Абасса“, весьма уважаемаго святаго, умершаго въ 679 году (Шахъ-Зинда въ Самаркандѣ), построенномъ на могилѣ Айнэ-Ханэ-Эмира-Мусса. Облицовка представляетъ собой мозаику изъ кусковъ цвѣтныхъ изразцевъ, выпиленныхъ въ узоръ и посаженныхъ на цементъ. Мавзолей построенъ былъ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ туземными мастерами.

*) Кромѣ верхнихъ памятниковъ, подъ ними въ склепѣ мечети стоятъ другіе непосредственно на могилахъ. Листъ № 47.

trait la Russie, mais ne prendrait pas Moscou. Tamerlan, au retour de son expédition, ne trouva plus Khazrète au nombre des vivants; il éleva en son honneur cette mosquée, dont les briques ont été fabriquées à Saouran. On dit qu'entre cette ville et Turkestan il fut établi une chaîne de 50,000 soldats, qui se passaient les briques de main en main jusqu'au lieu de la construction. Le transport fut achevé en trois jours. Cette porte, remarquable par la finesse et le caractère artistique du travail, est embellie d'incrustations de divers bois, avec des panneaux diversement ornementés et des inscriptions arabes.

Feuille 14.

Partie de porte de la mosquée de Chakh-Zindan, à Samarkande, dont la construction se rapporte à la fin du XV-e siècle.

Feuille 15.

Ornement en bas-reliefs de divers couvercles de cassettes. Travail de Tachkent.

Feuille 16.

Bas-relief sur plâtre dans une mosquée de la ville de Khodjent.

Feuille 17.

Ornements sur les côtés de la pierre Kok-Tache, qui servait de trône aux émirs boukhares. Elle se trouve au palais principal de la citadelle de Samarkande. D'après les traditions, c'est l'objet le plus ancien du pays. La pierre a deux archines de haut et environ quatre archines de long. Elle est entourée d'un grillage en fer.

Feuille 18.

a) Ornements en bas-reliefs le long du bord de la pierre tumulaire de Tamerlan (Timour-Leng), qui se trouve dans le caveau de la mosquée de Gour-Emir à Samarkande.

б) Ornement sur le soutènement d'un grillage de marbre, entourant les monuments supérieurs *) de Tamerlan et de ses parents dans la même mosquée.

в) Plaques de marbre avec ornement trouvées dans les ruines des mosquées et des mausolées du cimetière de Chakh-Zindan à Samarkande.

Feuilles 19—32.

On a représenté ici les motifs de peinture décorative qu'on rencontre partout dans l'ornementation des édifices publics et particuliers, sur les plafonds, les colonnes, les murailles, les coffres, les glaces, et autres objets domestiques. On n'a donné place sur les feuilles 19—32 qu'aux ornements qui se distinguent des autres par l'originalité de leur dessin ou de leurs couleurs. Boukhara est si riche en ornement que, même après de longues années consacrées à ces recherches on ne parviendrait à épuiser tous les motifs, de cette source intarissable. Le premier venu des ornemanistes vous étonne par sa facilité à tirer d'un même dessin des dizaines de nouveaux modèles, rien qu'en variant les couleurs. Chacun d'eux, en véritable artiste, porte en lui le sentiment de la mesure, du goût et du coloris; peut-être parce que, cette profession, il ne l'a pas embrassée parce qu'elle se trouvait à sa portée, mais par amour de l'art. Il est infatigable dans son travail, et vous émerveille par la manière simple et pratique avec laquelle il exécute les fantaisies géométriques les plus compliquées. Cela n'a rien de surprenant: presque italien par tempérament il porte en lui, comme l'italien, l'expérience de milliers d'années.

Feuilles 33 et 34.

Fragment de la décoration extérieure de la muraille d'un des mausolées de Koussam-Ibni-Abassa, saint personnage très révérend, mort en 629 (Chakh-Zindan à Samarkande), mausolée élevé sur la tombe d'Ainé-Khan-Emir-Moussa. Cette décoration présente l'apparence d'une mosaïque de morceaux de carreaux de faïence, colorés, sciés en dessins et fixés par un ciment. Ce mausolée a été construit il y a plus de deux cents ans par des ouvriers du pays.

*) Outre ces monuments d'en haut, il y en a d'autres dans le caveau (ou crypte) de la mosquée, qui reposent immédiatement sur les tombeaux de Tamerlan et de sa famille.

Листы 35 и 36.

Такія же мозаичныя украшенія наружныхъ стѣнъ мечети Тилля-Кари, на площади Регистанъ въ Самаркандѣ, построенной въ 1598 году Иолангъ-Биемъ или Иолангъ-Ташъ-Багадуромъ, правителемъ Самарканда.

Листъ 37.

Стержень колонны съ капителью и прилегающимъ бордюромъ, изъ мавзолея кормилицы Тамерлановой и ея дочери, сооруженнаго женой Тамерлана, Биби-Ханымъ, бывшей китайской принцессой. Въ постройкѣ ея участвовали, по устному преданію, приглашенные изъ Китая мастера.

Листъ 38.

Колонна и капитель съ прилегающей къ ней полосой облицовки мавзолея, на могилѣ дочери Ходжи-Тоглу, на томъ же кладбищѣ.

Листы 39 и 40.

Части фасада мавзолея Шаръ-Арабъ, изъ тисненыхъ эмаль-рованныхъ изразцевъ, въ Шахзиндаѣ.

Листъ 41.

Орнаментъ росписныхъ изразцевъ изъ мавзолея Абу-Тенги, тамъ же.

Листъ 42.

Образцы росписныхъ блюдъ изъ маіолики, ташкентской работы.

Листъ 43.

Священная ниша (кибла) въ мечети Тилля-Кари, въ Самаркандѣ, изъ свѣтлосѣраго мрамора, со врезнымъ орнаментомъ. Надъ нишей вставлена въ стѣну квадратная плита, съ надписями на арабскомъ языкѣ и съ фигурой видоизмѣненной индѣйской „Свастики“: знакъ этотъ, какъ упомянуто выше, часто встрѣчается на могильныхъ памятникахъ и другихъ архитектурныхъ формахъ.

Листъ 44.

Росписные изразцы на древнихъ памятникахъ Куня-Ургенча, города хивинскаго оазиса, переходившаго не разъ къ Персамъ. Этимъ объясняется то, что на этихъ изразцахъ замѣтно вліяніе персидскаго искусства, имѣющаго мало общаго съ искусствомъ Бухары.

Листъ 45.

Образцы формъ глиняной посуды, производимой и теперь въ Бухарѣ.

Листъ 46.

Фасадъ мавзолея Гуръ-Эмиръ, глядя отъ парадной арки двора, нынѣ почти разрушенной; на планѣ листъ № 47 внизу.

Листъ 47.

Планъ мавзолея Гуръ-Эмиръ. Масштабъ и объясненіе находятся на поляхъ плана. Части зданій, обозначенныхъ болѣе темнымъ цвѣтомъ, относятся ко времени близко слѣдовавшему за Тамерланомъ; части свѣтлыя значительно болѣе поздней эпохи.

Въ отдѣлѣ плана надъ цифрою 1 находятся памятники Тамерлана и его родственниковъ. Вверху могила Мирзы-Ибрагима сына Уллухъ-Бека, умершаго въ 1476 году. Во второмъ ряду слѣва, первый памятникъ Мирзы Уллухъ-Бека, внука Тамерлана, умершаго въ 1475 г., второй—Тамерлана, умершаго въ 1489, 3-й—на могилѣ Мирзы Беди, сына Мирзы Уллухъ-Бека, умершаго въ 1475 г., 4-й—на могилѣ 3-го сына Уллухъ-Бека, Наипа; въ третьемъ ряду слѣва могила Миръ-Сеидъ-Береке-Шейха, учителя Тамерлана, умершаго два года послѣ него. Справа меньшая, дѣтская могила—сына Уллухъ-Бека, Абдуль-Латифъ Мирзы.

Feuilles 35 et 36.

Autres ornements en mosaïque des murs extérieurs de la mosquée de Tillia-Kari sur la place Régistan à Samarkande, construite en 1598 par Iolang-Bey ou Iolang-Tache-Bagadour, administrateur de Samarkande.

Feuille 37.

Fût de colonne, avec le chapiteau et la bordure contiguë, du mausolée de la nourrice de Tamerlan et de sa fille, érigé par la femme de Tamerlan Bibi-Khanym, qui était une princesse chinoise. Une tradition orale veut que des ouvriers appelés de la Chine aient pris part à cette construction.

Feuille 38.

Colonne et chapiteau avec la bande contiguë de la face extérieure d'un mausolée élevé sur la tombe de la fille de Khodji-Toglou dans le même cimetière.

Feuilles 39 et 40.

Partie de la façade du mausolée de Char-Arab en carreaux de faïence émaillée imprimés, à Chak-Zindan.

Feuille 41.

Ornement de carreaux de faïence peinte du mausolée d'Abou-Tenghi, au même lieu.

Feuille 42.

Modèles de plats peints en maiolique. Travail de Tachkent.

Feuille 43.

Niche sainte ou kibra dans la mosquée de Tillia-Kari à Samarkande; elle est en marbre gris-clair avec ornements sculptés. Au dessus de la niche se trouve une plaque carrée avec des inscriptions en langue arabe et avec une figure modifiée de la svastika ou croix ancrée des Indous. Ce signe, comme on l'a indiqué plus haut, se rencontre souvent dans les monuments funéraires et dans d'autres formes architecturales.

Feuille 44.

Carreaux de faïence peinte sur d'anciens monuments de Kounia-Ourghentch, ville de l'oasis de Khiva, qui a passé plusieurs fois aux Persans. Ce fait explique l'influence de l'art persan, qui n'a presque rien de commun avec l'art de la Boukharie et que l'on remarque dans ces carreaux.

Feuille 45.

Modèles des formes de la vaisselle d'argile fabriquée encore en ce moment à Boukhara.

Feuille 46.

Façade du mausolée de Gour-Emir, vue de l'arc d'entrée d'une cour maintenant presque ruinée. Pour le plan, voyez la feuille 47 ci-dessous.

Feuille 47.

Plan du mausolée de Gour-Emir avec échelle et l'explication. Les parties des constructions indiquées par une teinte plus foncée se rapportent aux temps qui ont suivi de près l'époque de Tamerlan, les parties claires se rapportent à une époque beaucoup plus rapprochée de nous.

Dans la section du plan portant le chiffre 1, se trouvent les monuments de Tamerlan et de ses parents. En haut, la tombe de Mirza-Ibrahim, fils d'Oulloukh-Bek, mort en 1476. Le premier au second rang à gauche, est le monument de Mirza Oulloukh-Bek, petit fils de Tamerlan, mort en 1475; le second, le monument de Tamerlan, mort en 1489; le troisième, est élevé sur la tombe de Mirza-Bed, fils de Mirza Oulloukh-Bek, mort en 1475; le quatrième est placé sur la tombe du troisième fils d'Oulloukh-Bek, Naïp; au troisième rang à gauche, la tombe de Mir-Seid-Béréké-Cheik, précepteur de Tamerlan, mort deux ans après lui. A droite, une tombe plus petite, une tombe d'enfant, c'est celle du fils d'Oulloukh-Bek, d'Abdoul-Latif-Mirza.

Внутренний видъ мавзолея Гуръ-Эмиръ. Темнозеленый камень есть знаменитый нефритъ на могилѣ Тамерлана; онъ составленъ изъ двухъ частей, и, по преданіямъ, разбитъ при перевозкѣ. Длина камня 3 аршина, ширина $\frac{3}{4}$ аршина. Въ бордюръ верхней площадки вычеканена арабская надпись, объясняющая генеалогію Тамерлана до Туменай Хана, рассказъ о томъ, какъ Алакува, мать Тамерлана, забеременѣла отъ луча солнца, проникшаго въ ея палатку, чрезъ верхнее отверстіе. Въ этой же надписи находится точное указаніе дня смерти Тамерлана: 14 число мѣсяца Шалбана 807 года Гиджры. По другимъ свѣдѣніямъ, Тамерланъ происходитъ отъ Алія, сына Аби-Талиба. Камень этотъ у мусульманъ называется Сіотопъ или Капъ. Ему приписывается цѣлебная сила.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ нефритовъ памятникъ Тамерлана считается самымъ колоссальнымъ. По мнѣнію геолога Мущкетова, специально изслѣдовавшаго исторію нефритовъ и ихъ мѣсторожденія, нефритъ Тамерлана съ большей вѣроятностью можно считать происходящимъ изъ провинці Хотана. Если же принять указанія преданій, рассказывающихъ, что онъ привезенъ изъ Индіи, то можетъ быть онъ происходитъ изъ Бамо въ Индіи (Нефритъ и его мѣсторожденія—В. В. Бека и И. В. Мущкетова. 1882).

Мавзолей Гуръ-Эмиръ, или могила Тамерлана, представляетъ собой высокое зданіе съ нижней восьмигранной и верхней цилиндрической частями. Онъ покрытъ куполомъ (листъ 49, черт. № 3 и 2, листъ 49 и листъ 46), принадлежитъ онъ эпохѣ первыхъ преемниковъ Тамерлана, а окружающія его постройки, показанныя на листѣ 47 и обозначенныя болѣе свѣтлымъ тономъ, относятся къ болѣе позднему времени, какъ свидѣтельствуется подписью надъ входными воротами:

„Строилъ слабый рабъ Мухамедъ сынъ Махмуда изъ Исфгани“.

Ниже горизонта земли расположенъ склепъ, имѣющій въ планѣ крестообразную форму (листъ 47, № 2). Въ немъ погребены Тамерланъ и его родственники; надъ ихъ же могилами расположены непосредственно и надгробныя плиты.

Изъ склена идетъ лѣстница наверхъ, въ самый мавзолей, который имѣетъ въ планѣ форму квадрата, съ четырьмя прилегающими къ нему прямоугольными нишами, покрытыми сталактитовыми сводами и стрѣльчатыми арками, переходящими отъ восьмигранника въ цилиндръ, также образованный съ помощью сталактитовъ.

Куполъ имѣетъ рубчатые украшенія снаружы и очень интересную конструкцію внутри: такъ какъ нижнія, свѣшивающіяся части купола, выстроенныя изъ кирпича (листъ 49), могли быть раздавлены грузомъ верхнихъ частей купола, то для поддержанія ихъ подведены стѣнки, расположенныя по радіусамъ; онѣ передаютъ верхнее давленіе непосредственно на барабанъ; такимъ образомъ, свѣшивающіяся части купола никакого инаго груза, кромѣ собственнаго вѣса, не несутъ, а для уничтоженія распора, происходящаго подъ влияніемъ этой силы, расположены въ куполѣ радіальныя же связи, сходящіяся въ одномъ столбѣ, поставленномъ на вершинѣ нижняго свода.

Внутри мавзолей убранъ драгоцѣнными породами камней, покрытыхъ богатой орнаментацией, и оклеенъ росписной бумагой по штукатуркѣ.

Въ толщѣ стѣны сдѣлана лѣстница въ куполъ, огибающая барабанъ по винтовой кривой; въ куполѣ есть небольшія отверстія для выхода наружу.

Фасадъ остатковъ дворца Тамерлана Акъ-Сарай, находящагося въ цитадели города Шаръ (Шахъ Ризабъ), лѣтней резиденціи бухарскихъ эмировъ и родинѣ Тамерлана. По устной легендѣ, Тамерланъ родился во время переѣзда его матери изъ Шара въ Китабъ, мѣсто родины его матери. Говорятъ, что мужъ ея, Амиръ-Тарагай-Багадуръ, былъ посланъ съ отрядомъ войскъ противъ непріятеля. Въ его отсутствіе жена его забеременѣла и родные стали при-

Intérieur du mausolée de Gour-Emir. La pierre vert-foncé est la célèbre néphrite du tombeau de Tamerlan. Elle se compose de deux parties et, suivant la tradition, elle a été brisée pendant le transport. La longueur de la pierre est de trois archines, sa largeur, de $\frac{3}{4}$ d'archine. Dans la bordure de la plateforme supérieure est sculptée en creux une inscription arabe expliquant la généalogie de Tamerlan jusqu'à Toumenai-Khan, et comment Alakouva, mère de Tamerlan, conçut d'un rayon de soleil, qui pénétra dans sa tente par l'ouverture supérieure. On lit aussi dans cette inscription l'indication précise du jour de la mort de Tamerlan, le 14 du mois de Chalbane de l'année 807 de l'hégire. D'après d'autres renseignements, Tamerlan descend d'Ali, fils d'Abi-Talib. Cette pierre s'appelle chez les Musulmans Siotop ou Koche. On lui attribue des vertus médicinales.

De toutes les néphrites connues, celle du monument de Tamerlan est considérée comme la plus colossale. D'après le géologue Mouchkétoff, qui a fait des recherches spéciales sur l'histoire des néphrites et de leur lieu de production, la néphrite de Tamerlan provient, selon toute probabilité, des montagnes de Khotan; à en croire les traditions qui la font apporter de l'Inde, elle devrait provenir de Bamo dans l'Inde. (*La néphrite et ses lieux d'origine* par V. V. Bek et I. V. Mouchkétoff, 1882).

Le mausolée de Gour-Emir, ou tombe de Tamerlan se présente sous la forme d'une haute construction, octogonale dans sa partie inférieure et cylindrique dans sa partie supérieure. Il est couvert d'une coupole (feuilles 49, figures № 3 et 2, feuille 49 et feuille 46), et remonte à l'époque des premiers successeurs de Tamerlan. Les constructions qui l'entourent, dessinées dans la feuille 47 et indiquées par un ton plus clair, se rapportent à une époque bien postérieure, comme le témoigne cette inscription placée au dessus de la porte d'entrée:

„Construit par le faible esclave Mouhamed, fils de Makhmoud d'Ispahan.“

Au dessous du niveau du terrain on trouve un caveau dont le plan a la forme d'une croix (feuille 47, № 2). Là sont enterrés Tamerlan et ses parents. Des plaques tumulaires sont placées immédiatement au-dessus de leurs tombes.

Un escalier monte du caveau au mausolée même, dont le plan est quadrangulaire, avec quatre niches rectangulaires s'y rattachant, surmontées de voûtes en stalactites et d'arcs ogivaux reliant la partie octogonale à la partie cylindrique, formée également à l'aide de stalactites.

La coupole a des ornements cannelés à l'extérieur. A l'intérieur sa construction est extrêmement intéressante. Comme les parties inférieures de la coupole où s'opère le passage de deux formes architecturales, bâties en briques (feuille 49), auraient pu être écrasées par le poids des parties supérieures de la coupole, pour les soutenir on a conduit en dessous de petits murs, disposés en rayons, qui transmettent la poussée supérieure immédiatement au tambour; de cette manière les parties de la coupole où se mélangent les deux formes n'ont à supporter aucune autre charge que leur propre poids, puis, pour annuler la poussée qui se produit sous l'influence de cette forme, on a disposé, dans la coupole aussi, des liens rayonnants convergeant vers un appui central, placé au haut de la voûte inférieure.

L'intérieur du mausolée est orné de diverses sortes de pierres précieuses avec une riche ornementation, et de papiers peints recouvrant le plâtre des murs.

Dans la muraille la plus épaisse on a pratiqué pour monter à la coupole un escalier en forme de vis autour du tambour. La coupole est percée de petites ouvertures pour passer au dehors.

Façade des restes du palais de Tamerlan, Ak-Saraï, qui se trouve dans la citadelle de la ville de Char (Chakh-Riziabs), résidence d'été des émirs boukhares et lieu de naissance de Tamerlan. D'après la légende orale, il naquit à l'époque où sa mère se rendait de Char à Kitab, son propre lieu de naissance. On dit que son mari Amir-Taragai-Bagadour avait été envoyé avec un détachement de soldats contre l'ennemi. Sa femme devint enceinte

тѣснить ее. Тогда она рѣшилась уйти на свою родину Китабъ (30 верстъ отъ Шара) и на дорогѣ родила Тамерлана.

Наружный фасадъ сохранилъ въ лицевой своей части украшенія изъ мозаики и росписныхъ изразцевъ съ позолотой; высота башень, выступающихъ по угламъ фасада, 18 сажень, по моему измѣренію. Въ Шарѣ кромѣ замка сохранились общественныя бани Тамерлана, еще и теперь находящіяся во всеобщемъ употребленіи. Онѣ выстроены изъ сѣраго мрамора Кара-Тюбинскихъ горъ, и мавзольей отпа Тамерлана, Амиръ-Тарагай-Багадуръ, тоже украшеннаго мозаикой, но почти разрушеннаго, хотя внутренняя часть съ куполомъ еще цѣла.

Н. Симаковъ.

en son absence et ses parents se mirent à la persécuter. Elle résolut alors de se rendre dans sa patrie à Kifab (à trente vers-tes de Char) et elle accoucha de Tamerlan pendant le voyage.

La façade extérieure a conservé dans la partie centrale ses ornements en mosaïque et en carreaux de faïence peints et dorés. La hauteur des tours qui s'élèvent aux angles de la façade, est de quarante mètres, d'après ma mesure. A Char, outre le château, on a conservé les bains publics de Tamerlan et on s'en sert encore aujourd'hui. Ils sont en marbre gris des montagnes de Kara-Tubinsk; on y voit aussi le mausolée du père de Tamerlan. Amir-Taragai-Bagadour, orné également de mosaïques, mais presque ruiné, quoique la partie intérieure et la coupole soient encore entières.

N. Simakoff.

Искусство Средней Азии.

Сборникъ орнаментовъ
и узоровъ снятыхъ съ на-
туры на памятникахъ
архитектурныхъ и пред-
метовъ гонимыхъ, тка-
цкихъ, ювелирныхъ и проч.
членомъ Самарской ученой
экспедиціи Н. Симаковымъ
въ 1879 году.

V. CHIRKOV.

Рис. 2. А. Козлов. С. 15.

а.

Н. СИМАНОВЪ.

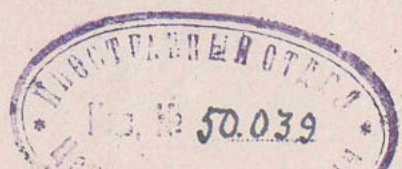

б.

в.

Карт. Зав. А. Ильина С. П. Б.

Н. СИМАНОВЪ.

Копировано по рисунку Н. Симанова.

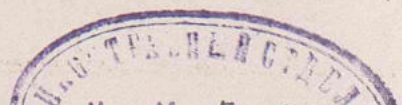
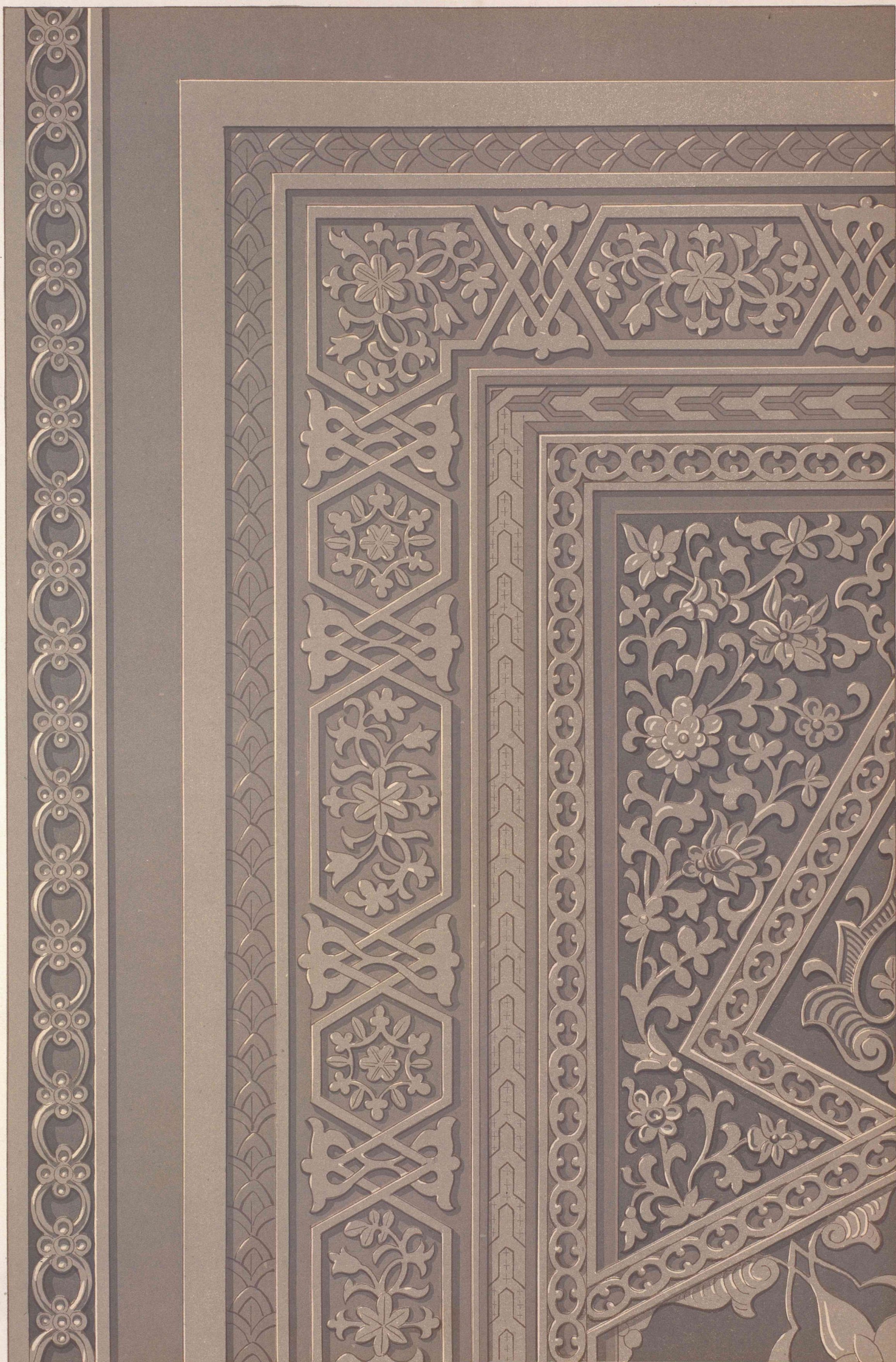

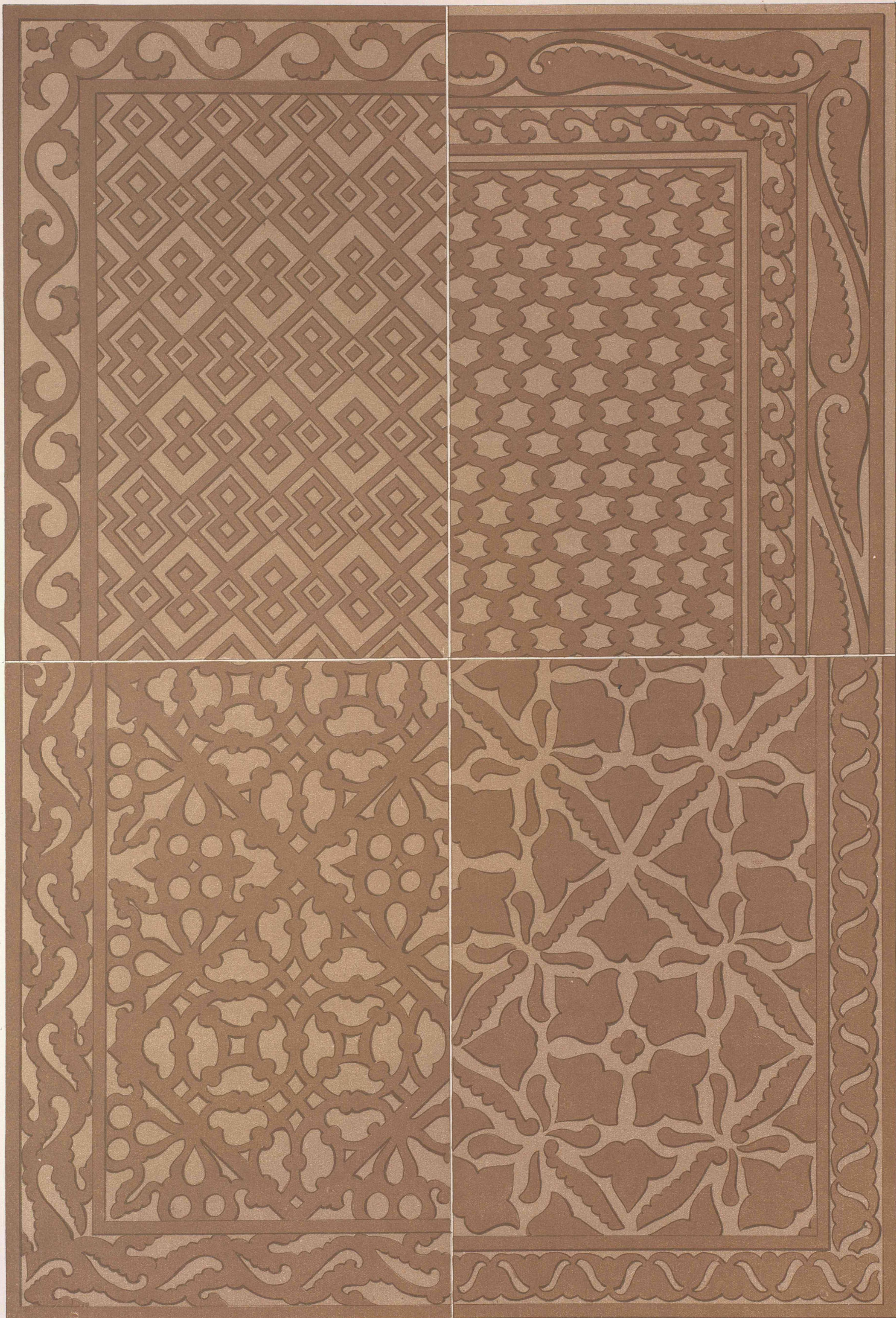

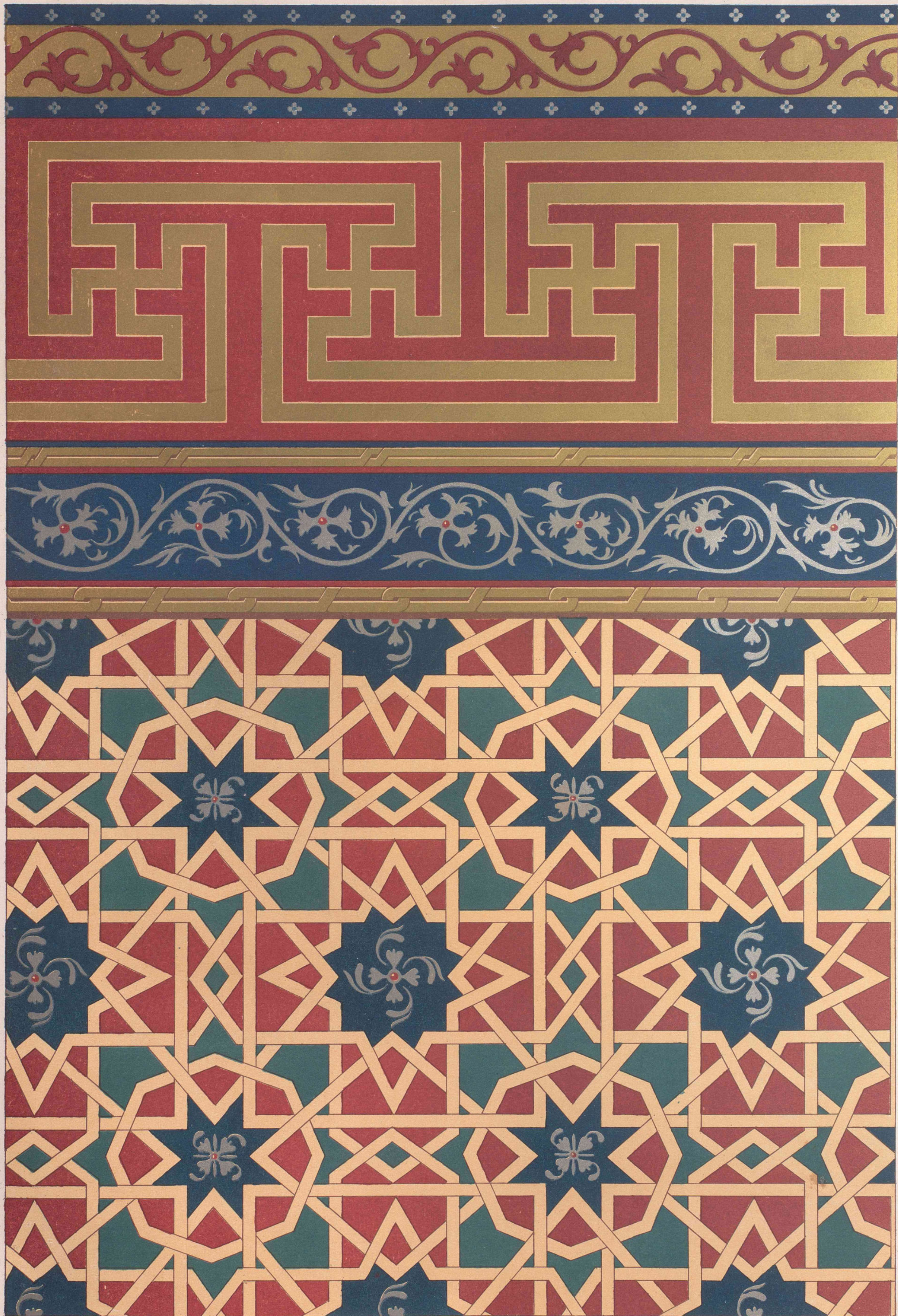

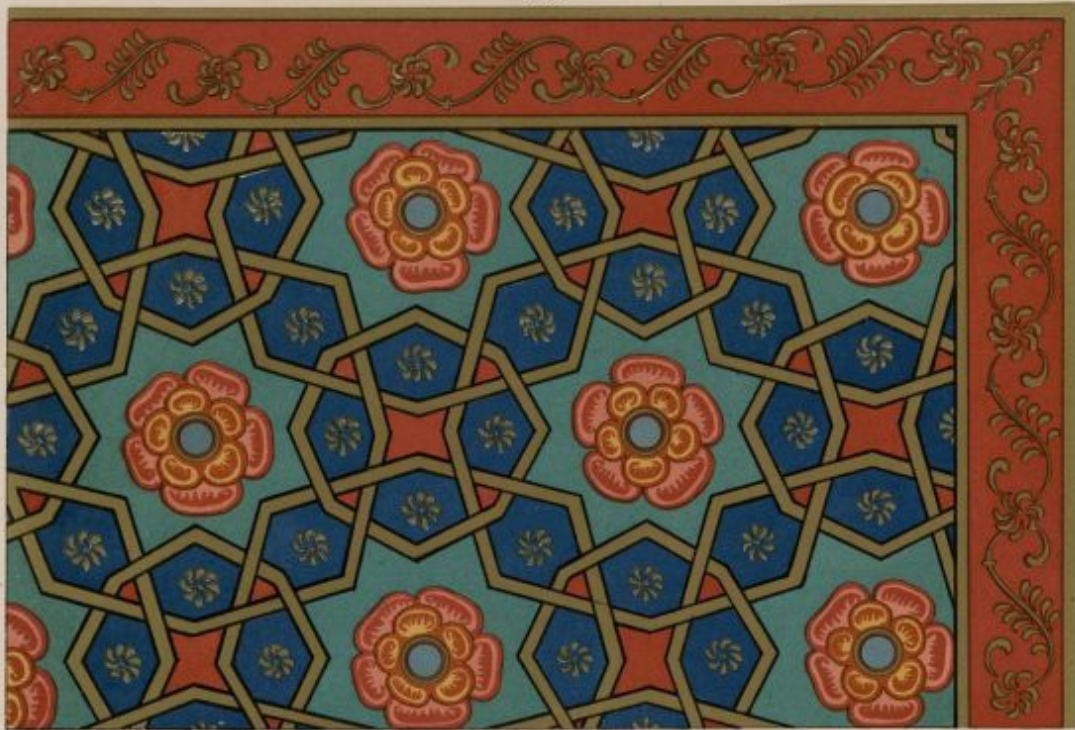

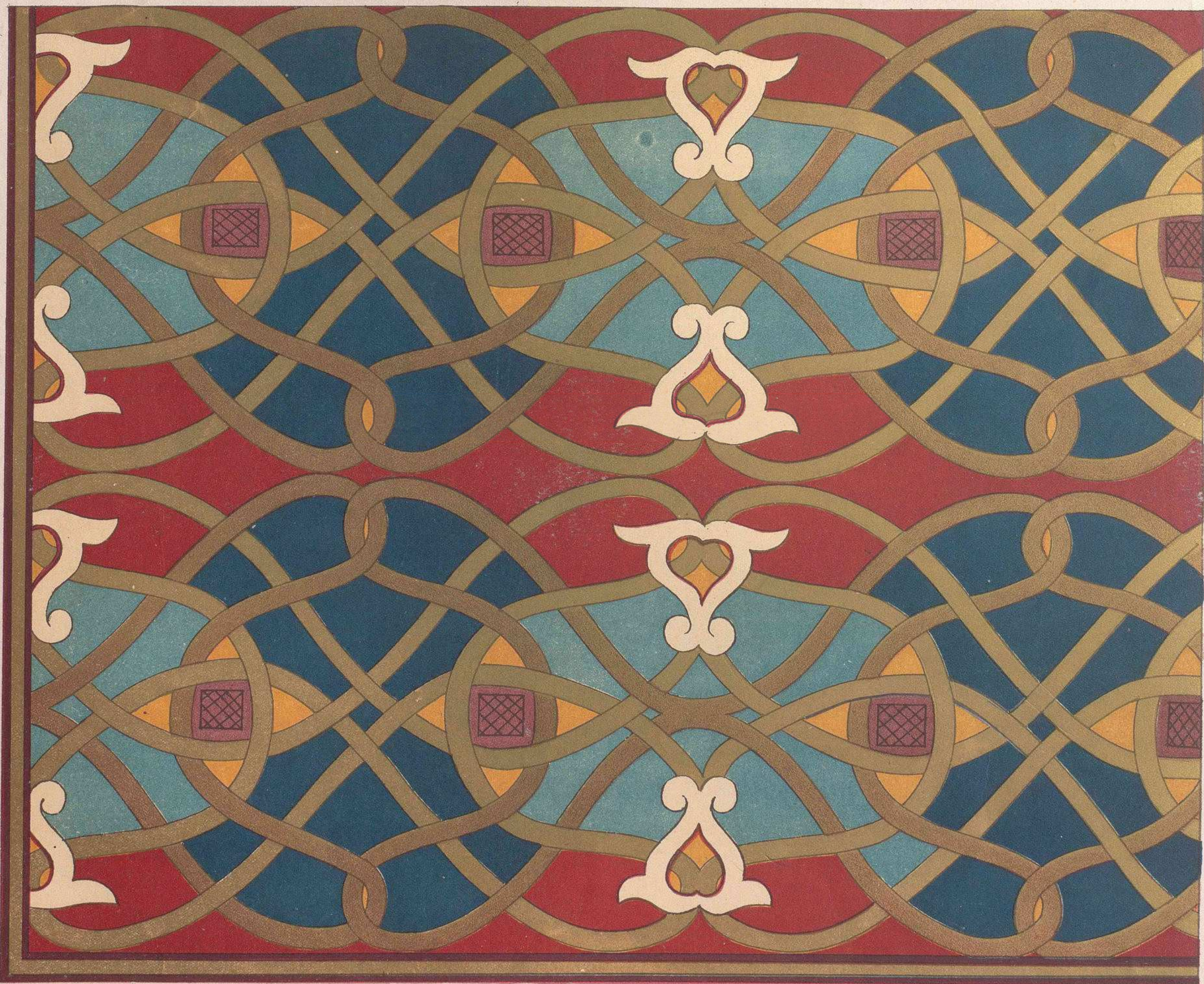

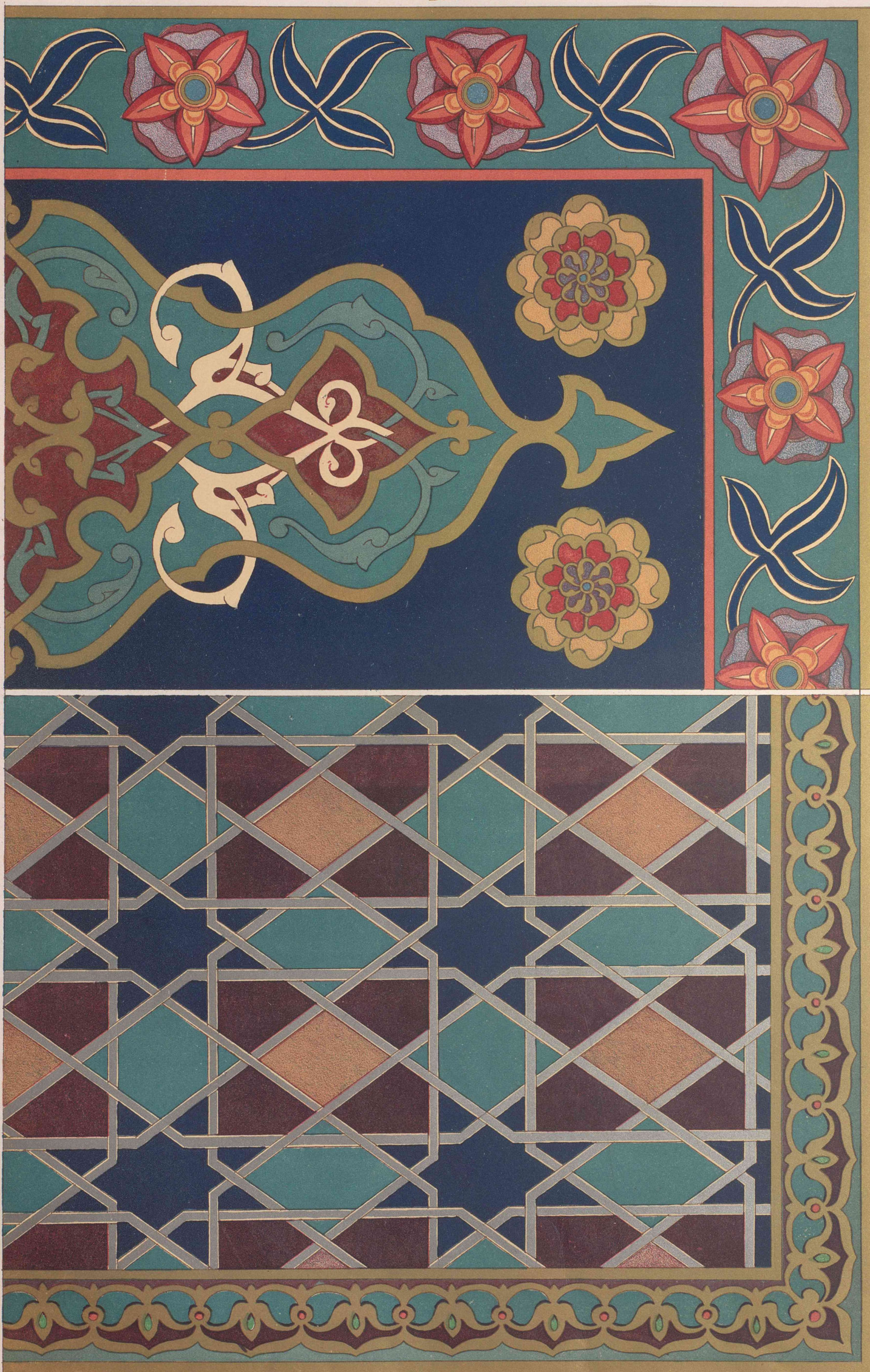
Н.СИМАНОВЪ

Карт. зав. А.Ильина. С.П.Б.

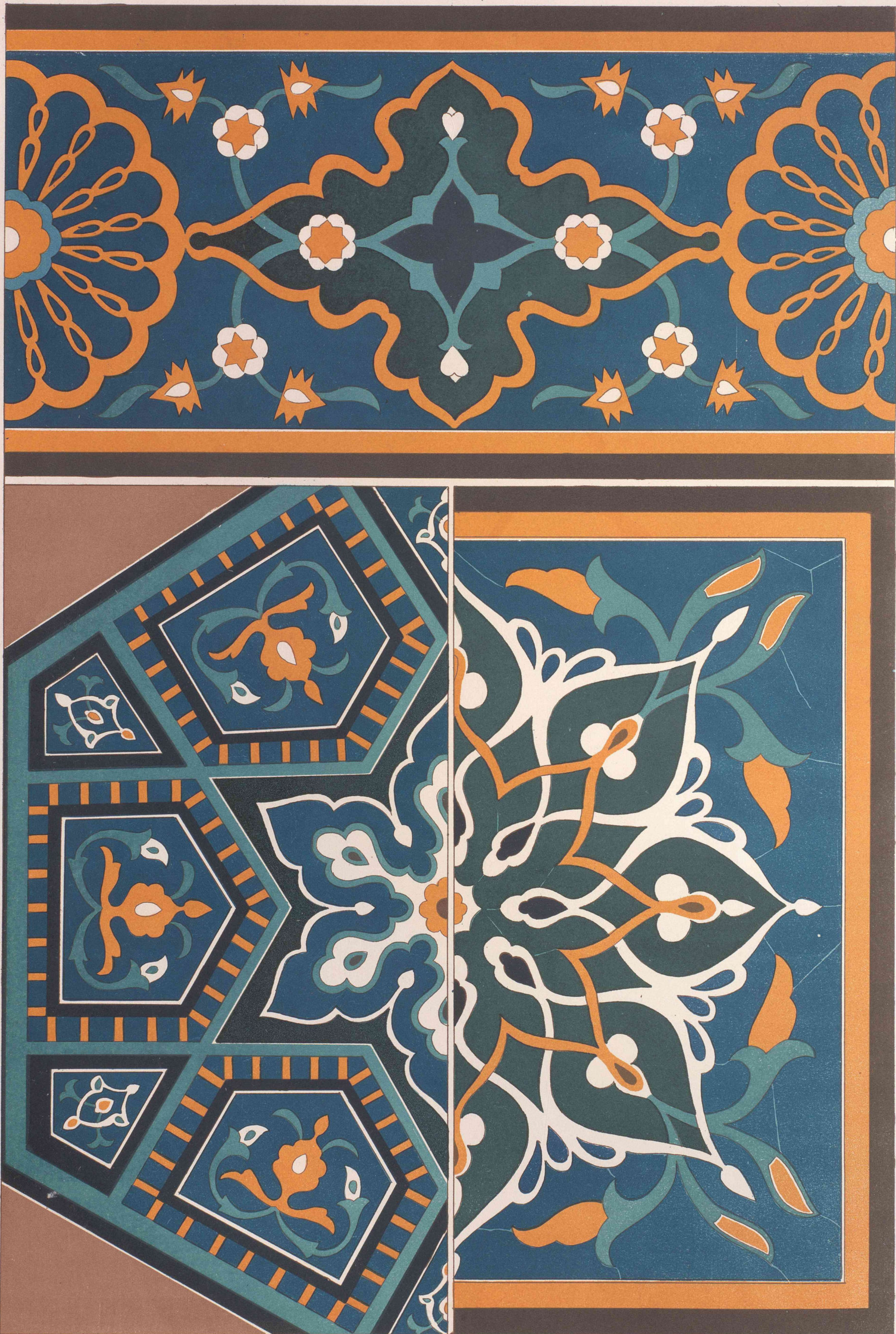

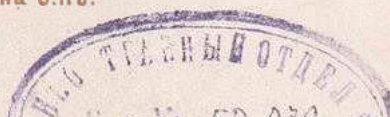
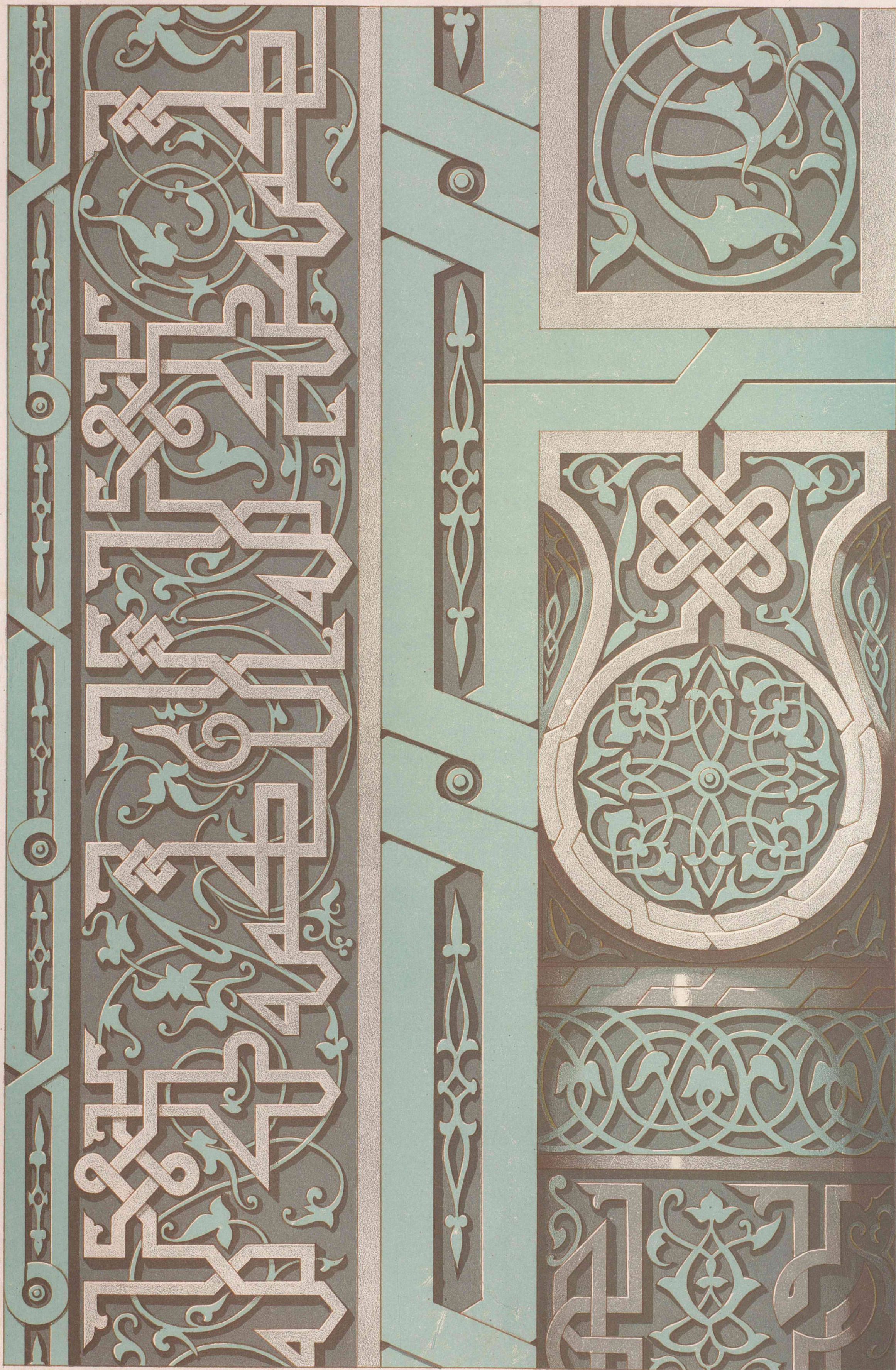

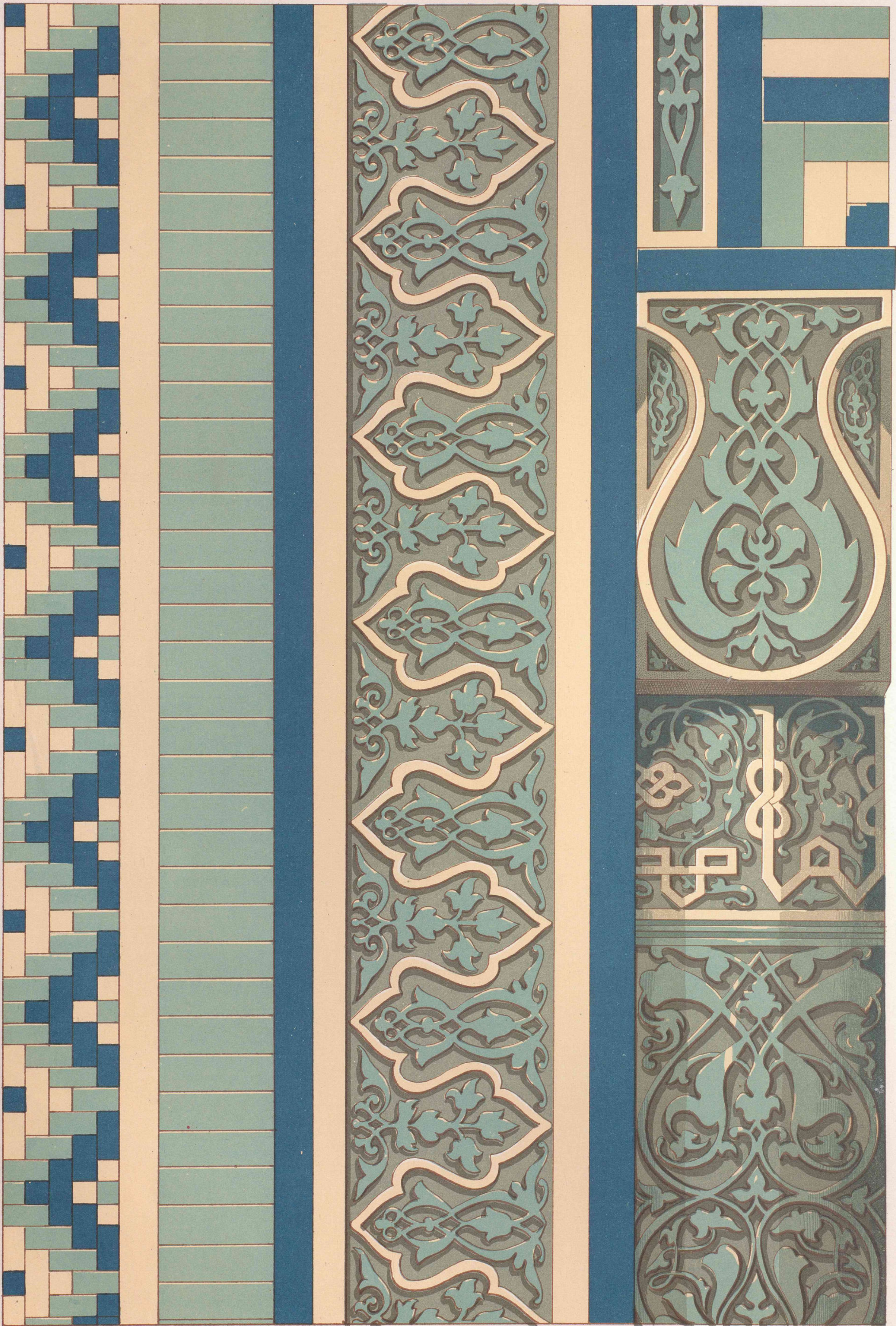

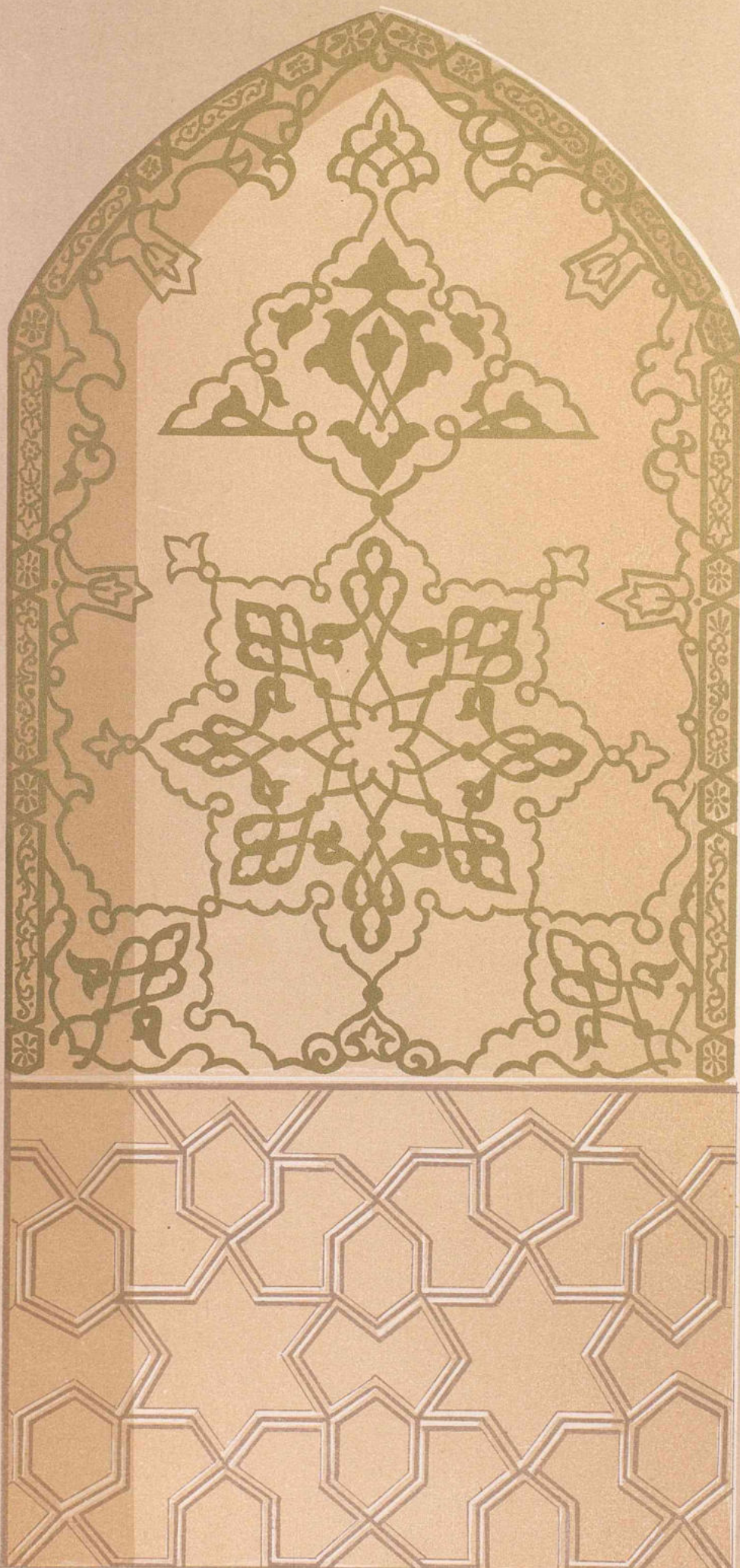
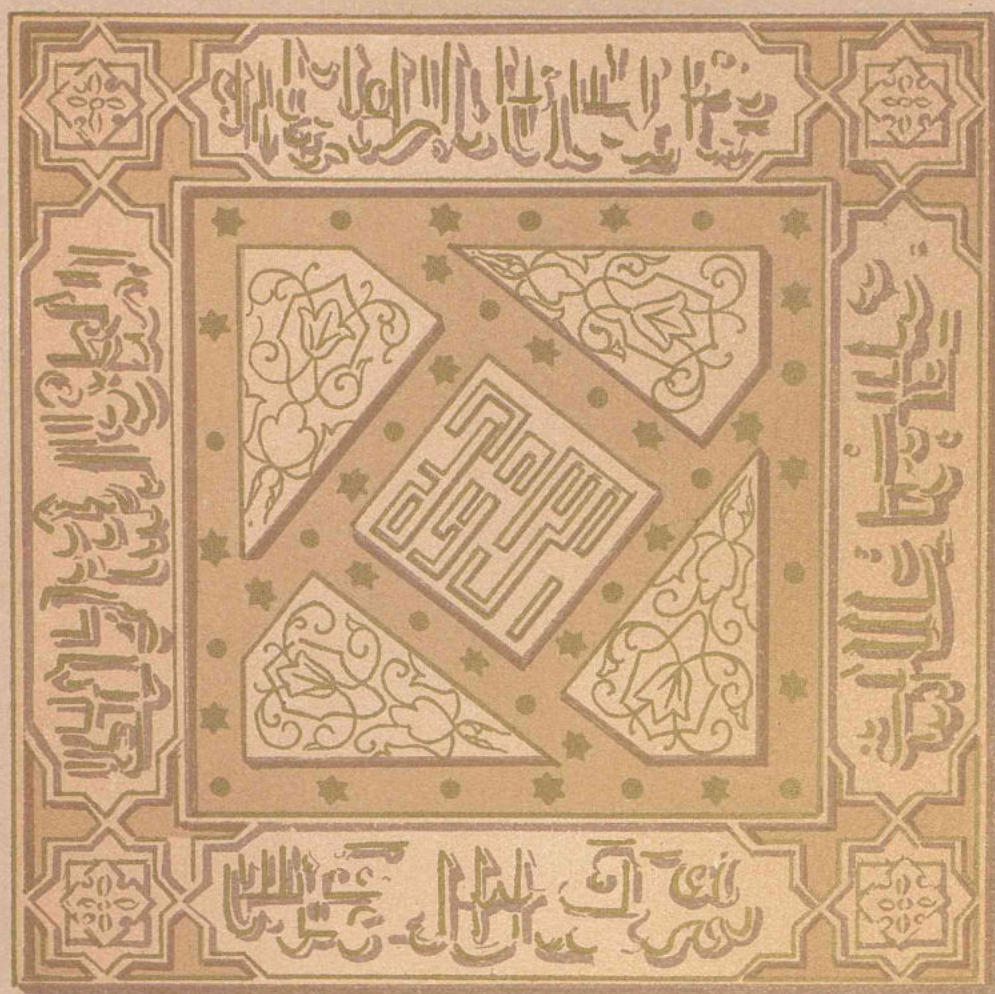

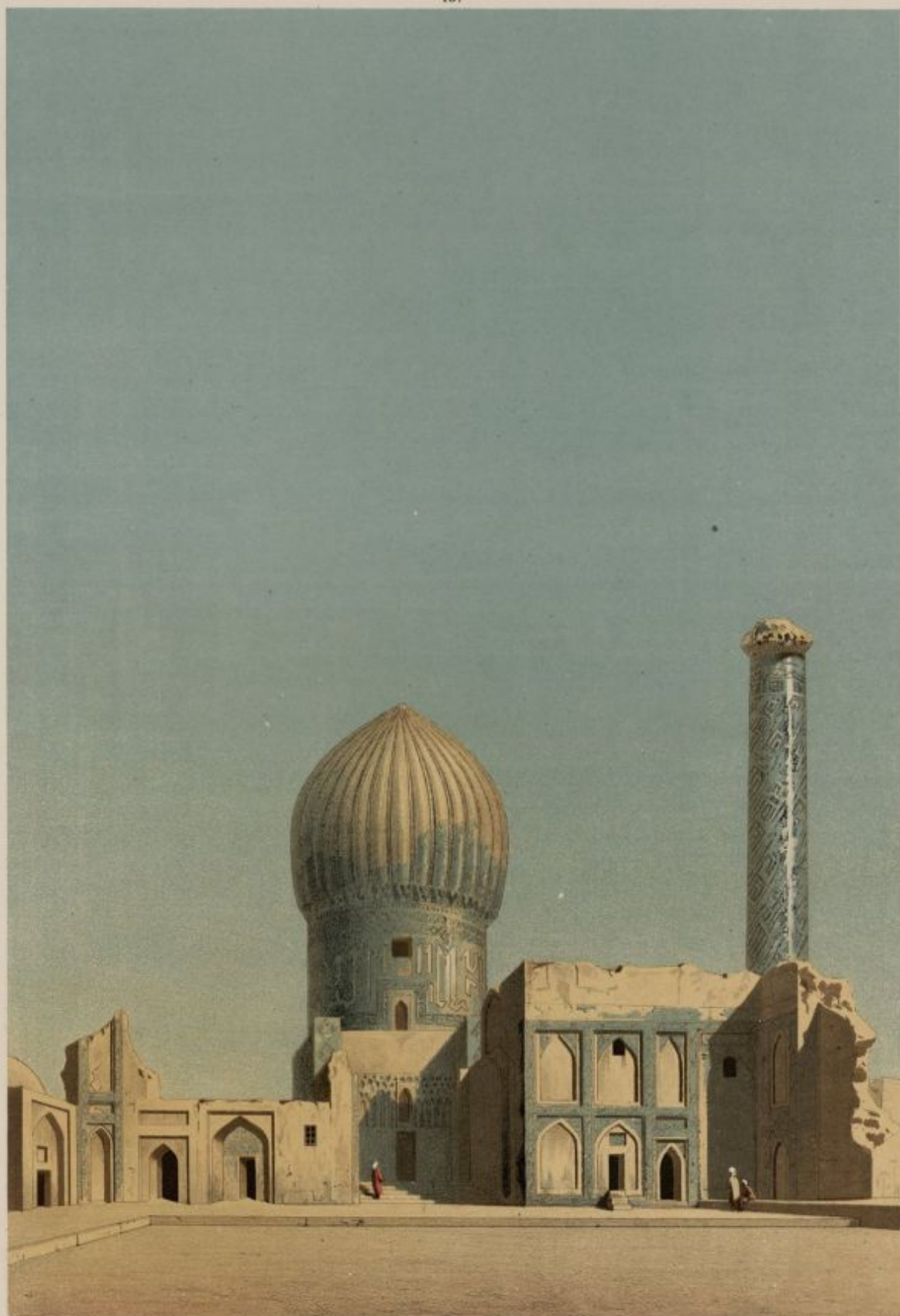

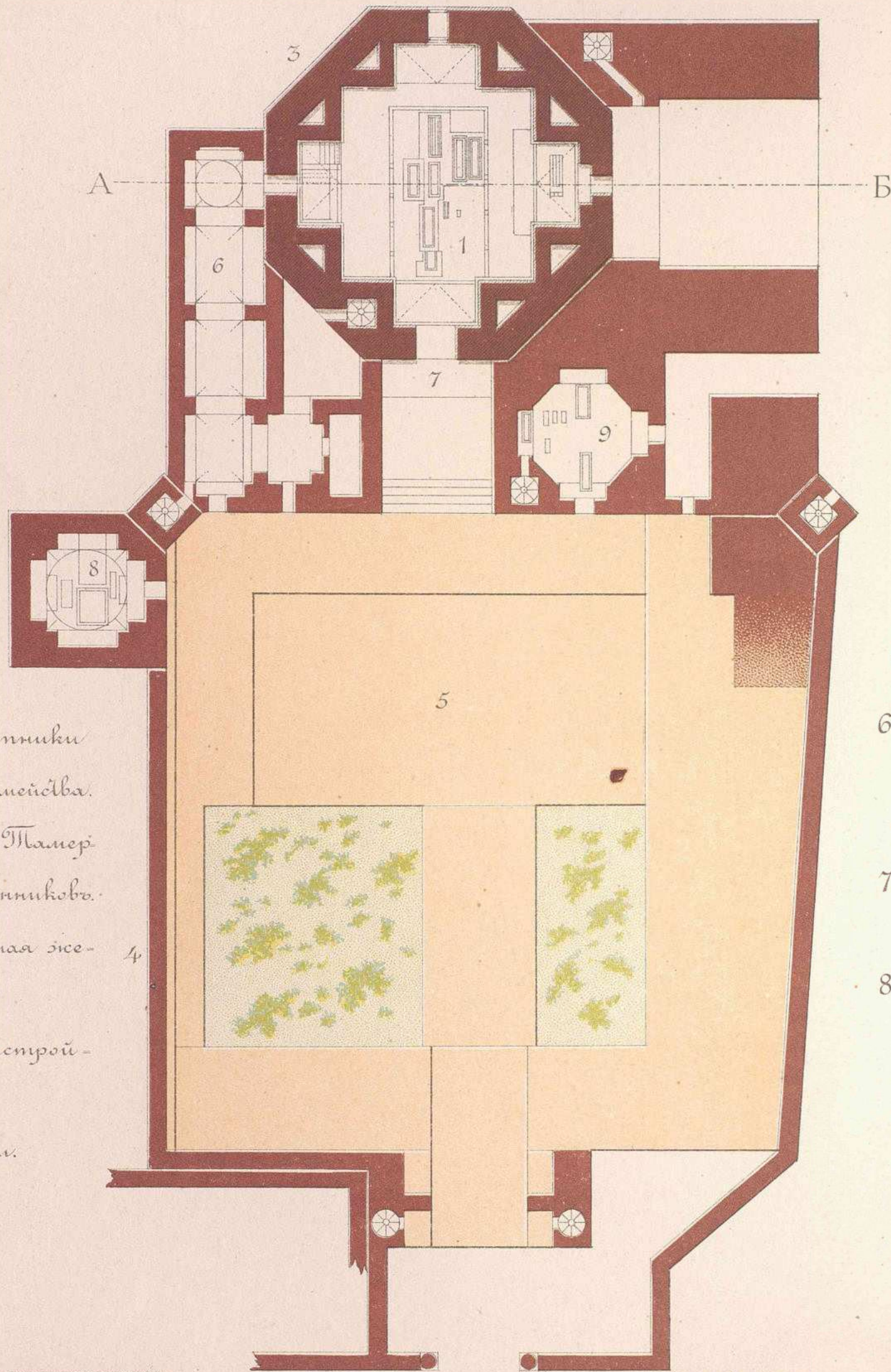

ВНУТРЕ

Башня и Минарет

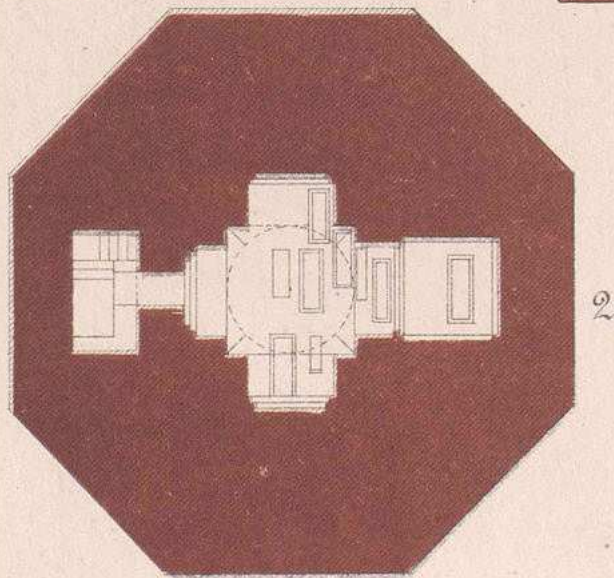
Гуръ Эмиръ въ Самаркандѣ.

(Могилы Тимуръ)

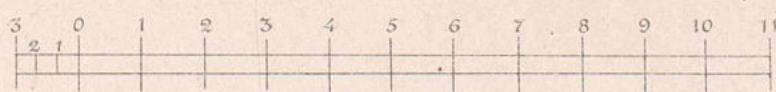
1. Парадные памятники
Тимурiana и его семейства.
2. Могилы востановлены Тимурiana
и его родственниками.
3. Мереть построенная дже-
ною Тимурiana.
4. Позднѣйшія пристрой-
ки.
5. Дворъ въ Мерети.

6. Боковой
входъ въ Ме-
реть.
7. Главный
входъ.
- 8 и 9. Могилы
позднѣйшихъ
потомковъ
Тимуръ.

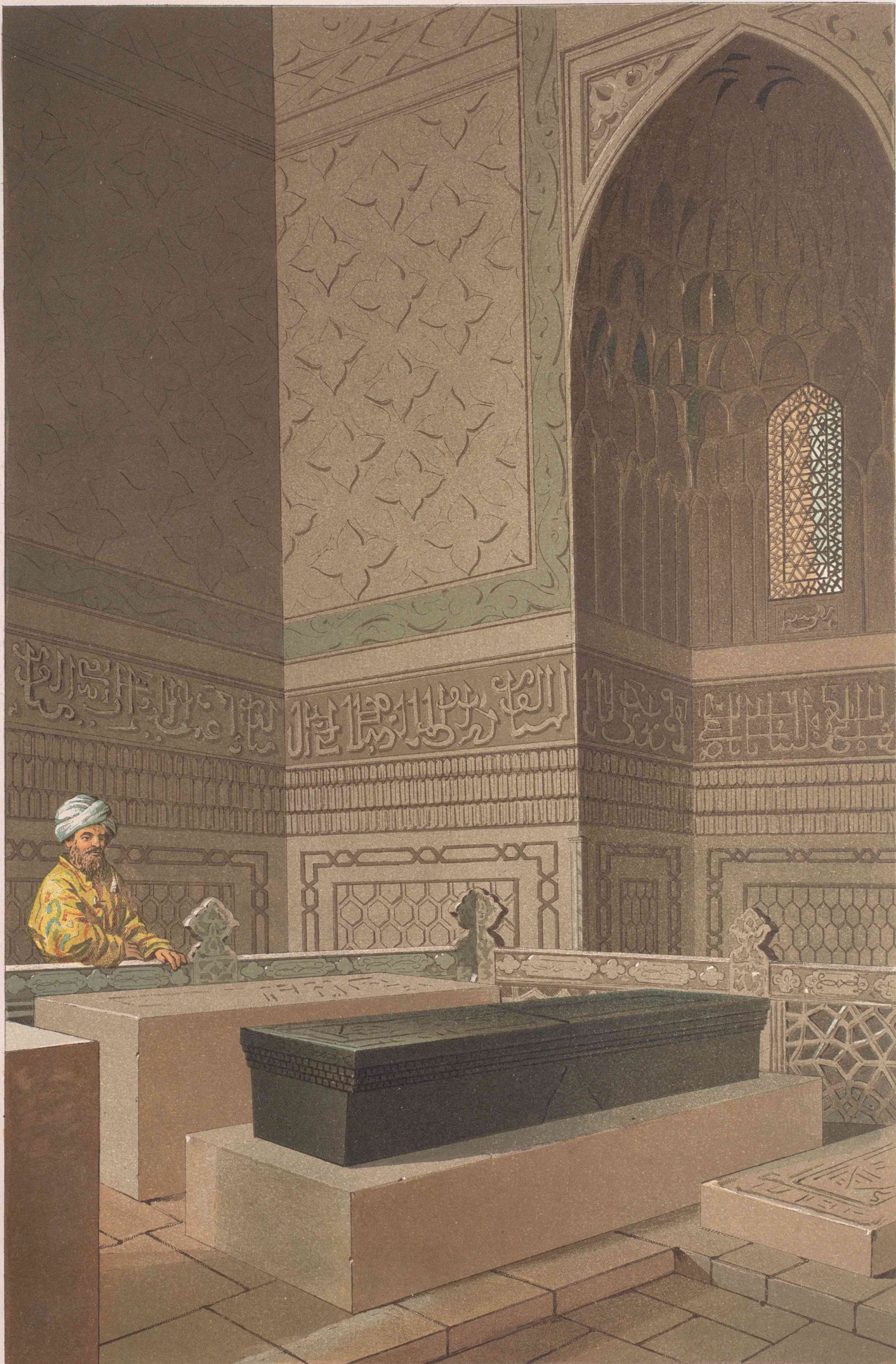

ОБЩІЙ ПЛАНЪ
ГУРЪ ЭМИРА
САМАРКАНДЪ
МОГИЛА ТИМУРА

Масштабъ.

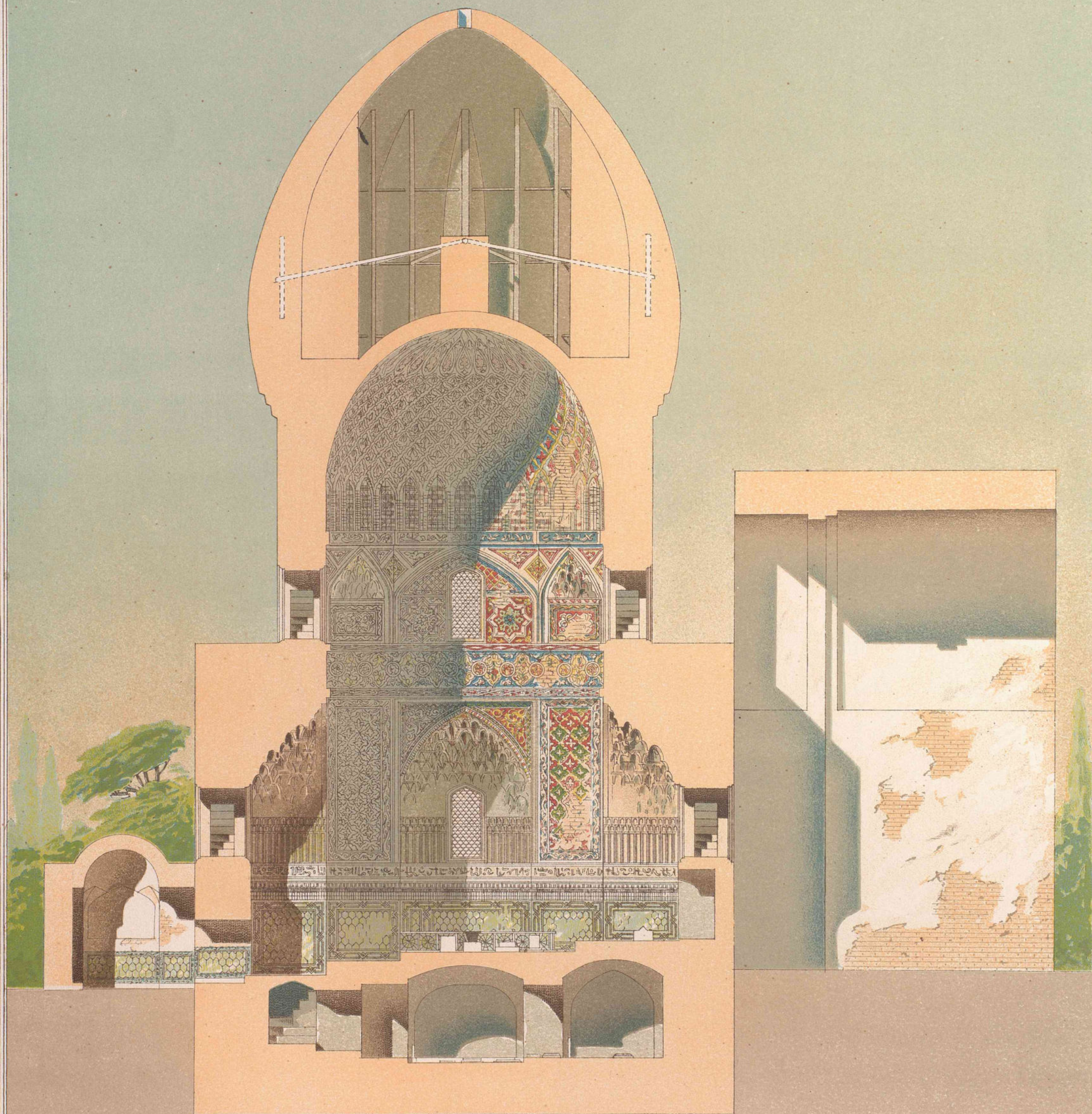

Акад. Арх. А. Кочетовъ
8 Сент. 1882 г.

Ўрта Эмир ва Самарқанд.

Мошара Мушара.

0 1 2 3 4 5 6 саж.
0 1 2 3 фут.

